

ХРОНИКИ СЕМИ КОРОЛЕВСТВ

ДРЕВНЯЯ КРОВЬ

Ярослав Заболотников

18+

Хроники семи королевств: Наследие

Ярослав Заболотников

**Хроники семи королевств:
Древняя кровь. Том 1**

«Автор»

2019

Заболотников Я. Г.

Хроники семи королевств: Древняя кровь. Том 1 /
Я. Г. Заболотников — «Автор», 2019 — (Хроники семи
королевств: Наследие)

Цикл о возрождении магии, что плавно вытесняет эпоху грубой силы и населяет мир монстрами. Драконы? Демоны? Разумеется. Но на туманных рубежах судьбы встречаются вещи и пострашнее... А всё потому, что один смельчак решил поискать древние сокровища в мрачном лесу на дне пропасти. Знали бы люди, каким был мир 400 лет назад – не спускались бы туда. Ведь их там уже давно ждали...

Ярослав Заболотников

Хроники семи королевств:

Древняя кровь. Том 1

Пролог

– Он, – из тени проулка выглянул кончик кинжала. Остриё указывало на черноволосого воина, что задумчиво бродил по рынку под лучами вечернего солнца.

– Вон тот хмурый? – юнец потерял рукав рубахи, а затем посмотрел на закутанного в потрёпанный плащ собеседника. – Да у него кулак шире моего колена. Он меня по стене размажет. Не, не, не. Я на такое не подписывался.

– Брось. Он явно медленно бежит. А дорогу от стражи я тебе расчищу. Потому не вижу никаких проблем.

– Угу. Не тебе же руку за воровство оттяпают, если что...

– Руку? Ну ты махнул, – в сумраке надвинутого на глаза капюшона блеснула улыбка. – Лишь кисть. Вторая-то в любом случае останется. Да и культик не так плох: по зиме на перчатках сэкономишь. И не абы сколько, а целую половину.

– Спасибо! Очень обнадеживает! – взорвался эмоциями русский парнишка.

– Успокойся. До этого не дойдёт. Удачные планы – мой конёк, – остриё приподняло край капюшона, обнажив доверительный взгляд. – Разве я где-то дал повод сомневаться?

– Часа три назад, когда мы лезли по городской стене, меня ослепило солнце, и я чуть не свалился.

– Но не свалился же? Я поймал тебя за шиворот. Не считается.

– Ах, так?! Ладно. Тогда вчера! Ты...

– Сокровища, Алан, несметные сокровища, – мечтательно перебила фигура в плаще. – Или ты испугался призрака Мрачного короля?

Юнец насупился. Немного поразмыслил.

– Хорошо, – проворчал он. – Но в последний раз.

– Разумеется. Честное пиратское, – обещание сопровождала ироничная ухмылка.

– Вот ни разу не смешно, – буркнул Алан и отвернулся.

– Конечно, не смешно, – вмиг посерьёзней голос собеседника. – Из-за твоих воплей заметил стражник. И он идёт сюда. Следи за патлатым. Я разберусь, – поймав взгляд блюстителя закона, он показал ему средний палец, одиноко торчавший из кулака на уровне глаз.

Стражника, всего лишь пожелавшего проверить подозрительную персону, аж затрясло от злости – спустив ладонь к ножнам на поясе, он ускорил шаг. Наглец же горделиво развернулся и двинулся по пустынному проулку.

– Далеко собрался? – окликнул его страж, не обращая внимания на прошмыгнувшего мимо юнца. – Давай я тебе расскажу, где сейчас окажется твой палец. Эй, куда ты уходишь? Ну иди, иди. За поворотом всё равно тупик. Там и поговорим. У тебя есть пока время, чтобы выбрать себе наказание по душе, – фраза догнала свернувшую за угол фигуру. – Как минимум в колодках денёк постоишь. Но могу и кнутом отходить. Обычный любишь или с крючками? Аль, может, сразу в петлю?

Обнажив меч, представитель закона свернул за угол, миновал плоскую арку и остолбенел. В закутке никого не было. Лишь голые стены двухэтажных зданий. Без окон и дверей. Стражник поглядел вверх, на квадрат безмятежно-голубого неба. А потом заметил пыльный след на кирпичной кладке:

– Вот кто у нас такой дерзкий. Ловкач в городе завёлся. Надо сообщить капитану.

Вставляя меч в ножны, страж развернулся и вдруг увидел сидевшую под ногами крысу. Старую. С заплешинами на бёдрах. Её маленькие глазки сверкнули зелёным, и, неуклюже переваливаясь с бока на бок, она побежала прочь.

– Э-э-э... – озадаченно почесал затылок стражник. – На кой чёрт я сюда припёрся?.. – он покрутил головой. – Отлить? Да, видимо, отлить. Что ж. Давно пора...

Минутой позже в закутке осталась лишь лужа мочи. Однако брусчатку под ней внезапно изъязвили рытвины – камень стал рыхлым, как земля после дождя. Из мокрого крошева поднялся росток с багровым бутонем. За считанные мгновения он распустился в диковинный цветок. Пышный. С нежными лепестками и... серебряным зрачком посередине.

Взгляд из зазеркалья жадно поглощал безлюдность обстановки. Затем око вздрогнуло, и цветок рассыпался в пыль.

Странные дела творились тем вечером. Чтобы происходящее стало яснее, отматаем события на день назад. Всё началось в месте, далёком от городской суеты и хорошей погоды...

Глава 1

Хмурый полдень был прохладным и сырым, как свежепойманная рыба. А вот дорога, ползшая через дремучий лес, скорее напоминала змею: постоянно виляла, огибая особо тесные ряды вековых деревьев. Третье столетие они провожали строгим взглядом проезжающих здесь путников. Так же, как и сегодня.

От мелкого дождя земля превратилась в вязкую грязь, отчего щуплая лошадь, медленно переставляя ноги в чавкающем месиве, с трудом тащила за собой старую телегу. Под натужный скрип колёса то и дело утопали в глубоких лужах – проворные струйки неустанно сбегали по деревянным дугам, а по спицам, как по веткам, воробьями скакали мутные капли.

На повозке ехало два человека, укрывшихся от непогоды под концом большого плотного полотна, которое устилало объёмный груз за их спинами. Вожжи держал мужчина средних лет в холщовой бежевой рубахе, штанах из коричневой кожи и потёртых сапогах. Рядом с ним сидела юная девушка, одетая в простенькое серое платье и скромные башмачки. Намотав на палец светлую прядь, она без умолку щебетала о завтрашнем дне:

– Я так рада! Наконец-то мы получили разрешение от «Гильдии купцов» участвовать в ежегодной ярмарке Басторга. Там же будет тьма народу! Мы сможем продать все товары!

– Было бы неплохо, – устало протянул торговец, почесав щетинистую щёку. – На местных рынках торговать нынче сложно. Люд бедный пошёл. Да и сами мы не лучше, Розы. Если бы не займ у зажиточных соседей, так бы и сидели без товара да с пустыми карманами.

– Я знаю, отец. Надеюсь, судьба смилостивится над нами и там, – девушка, шурясь, посмотрела на серое небо. – Этот дождь когда-нибудь прекратится?

– Пушай сегодня весь выльется. Ежели завтра будет сухо, то и горожан на ярмарке будет прорва. Худо, коли не сможем распродать всё за первый день. Места для ночлега в большом городе весьма дорогие. Не хотелось бы задерживаться дольше, чем на одну ночь.

– Жаль... Вдруг бы мы застали там «Театр теней Лаверта». Говорят, они путешествуют по Эльтарону и выступают в крупных городах.

– Это ещё кто такие?

– Как? Ты не слышал?! – округлила глаза Розы. – Все только и твердят о диковинном представлении странствующего театра...

– Некогда мне уши развешивать, да на всякую чепуху отвлекаться, – проворчал мужчина. – Без того дел невпроворот.

– Это не чепуха, – дочь обиженно надула губы и отвернулась.

– Ну ладно, – немного смягчился торговец. – И что же это за действо?

– Не скажу...

– Да будет тебе. Не вредничай, – мужчина нарочито слегка толкнул её локтем в бок. – А то начну тебя щекотать. Что? Не веришь? – он взял вожжи в левую руку, освободив правую.

– Не надо, – девушка тут же повернулась и заулыбалась.

– То-то же. Рассказывай давай.

– Ну хорошо... Ходят слухи, что по Эльтарону путешествует бродячий театр. Они показывают историю появления королевства, используя тени, отбрасываемые на тонкое белое полотно...

– Эка невидаль, – отмахнулся торговец. – Тоже мне новость... Кого сейчас удивишь куклами...

– В том-то и дело. У них вместо кукол – люди.

– Живые актёры? Хм...

– Да! И размер полотна, говорят, огромедный, – девушка восторженно развела руки в стороны, словно видела его собственными глазами.

– Судя по размаху, и со зрителей они дерут три шкуры. Нужна ты им задаром. Хочешь, я тебе за так поведаю всё, что знаю о королевстве? – усмехнулся торговец.

– Отец! Ты ничего не смыслишь в искусстве! – возмутилась Роза.

– Куда уж мне... Понахваталась всякого...

Внезапно мужчина положил руку на висевший на поясе кинжал, устремив взор куда-то вдаль. Девушка испуганно посмотрела вперёд и непроизвольно поправила деревянные бусы на шее. Пелена тумана окутывала дорогу сырыми объятиями, но даже сквозь неё вдалеке был различим тёмный расплывчатый силуэт: незнакомец двигался в том же направлении, что и они.

– Что-то не так? – растерянно пролепетала Роза.

– Всё хорошо...

Скрипучая телега постепенно нагоняла идущего впереди человека. Девушка чувствовала нарастающее волнение отца, хоть тот и пытался его скрыть. Купец переживал неспроста. Древний непроходимый лес, раскинувшийся по обеим сторонам дороги, всегда считался проклятым. Каждый год в этих краях бесследно пропадали люди. В тавернах частенько поговаривали о мистических лесных чудовищах, похищавших неосторожных путников. Будучи несуетливым, торговец связывал дурную славу здешних мест с засильем разбойников. Успокаивала лишь мысль, что не каждый проходимец в такую непогоду станет мокнуть на дороге по пояс в грязи.

– Дождь ослаб, – девушка посмотрела на отца, но он ничего не ответил, а лишь вскинул вожжи и цокнул языком, подгоняя лошадь.

Телега поравнялась с неспешно бредущим по обочине незнакомцем, и Роза украдкой взглянула в его сторону. Капюшон скрывал лицо странника, на спине висел круглый щит, а под тёмным плащом угадывались очертания доспехов. Таинственный воин был высок и широкоплеч. Он шёл вперёд и даже не повернул головы на проезжавшую мимо повозку. У девушки по спине пробежали мурашки, но она не подала виду – лишь сильнее впиалась пальцами в служившую сиденьем деревянную доску, лежавшую на бортах телеги. На душе стало немного спокойнее, только когда незнакомец остался позади. Спустя минуту он превратился в размытое тёмное пятнышко в тумане, а потом и вовсе скрылся из виду после очередного изгиба дороги. Проехав ещё немного, торговец чуть натянул вожжи, чтобы кобыла сбавила ход:

– Тише едешь – дальше будешь. Пушай бережёт силы, и так успеем.

– Отец, – вдруг вкрадчиво заговорила Роза, – если в Басторге всё же окажется этот театр теней, можно я схожу на представление?

– У тебя есть лишние деньги? У меня – нет, – развёл руками купец.

Девушка достала из-под сиденья объёмный кулёк из рогожи:

– Будут...

– Что это? – покосился на мешочек торговец.

– Мои поделки из дерева. В основном браслеты и бусы, но есть и парочка колец. Я продам их завтра на ярмарке. Спорим, их расхватают ещё до обеда? – с шутливым вызовом бросила Роза.

– Ишь какая хитрая... И когда только успела? Ты ж всё время мне помогала, – купец почесал лысоватую макушку. – Ладно... Если так, я не в праве что-либо тебе воспрещать.

– Спасибо! – радостно воскликнула Роза и крепко обняла отца.

– Ну всё, всё, не то задушишь, – с улыбкой поморщился тот.

Хоть от дождя и остались лишь одинокие капли, серое небо по-прежнему простиралось до самого горизонта. Дорога поднялась на поросший травами холм и завилась рядом с обрывом. Журчащие ручьи, сбегая по неглубоким промоинам, срывались в пропасть, рассеиваясь над бескрайним полотном из верхушек деревьев. Открывавшийся с возвышенности пейзаж завораживал, но сильный ветер не давал наслаждаться красотами без прищура. Потом дорога спустилась с холма и вновь устремилась в лес. С высоты птичьего полёта повозка казалась маленьким корабликом, плывущим по тонкой полоске среди зелёного океана.

– Свистящий Холм позади, – устало вздохнул торговец, бороздя взглядом развёрнутую на коленях карту. – Через часа три будем уже в городе.

– Кто это? – осторожно спросила Роза, кивая на выходящих из леса людей.

Купец, увидев остановившихся на дороге воинов, сначала встревожился, но, узнав кожаные доспехи городской стражи, расслабился.

– Это стражники Басторга, – он убрал карту за пазуху. – Но что они делают здесь, вдали от города...

Один из блюстителей закона отличался внушительными размерами и огромной булавой, наискось торчавшей из-за спины. Второй был поменьше, с арбалетом в руках.

– Именем короля, остановитесь! – грубо проговорил лысый громила, когда повозка приблизилась.

Купец натянул вожжи – телега замедлилась и увязла в грязи.

– Кто вы и что здесь делаете? – спросил второй стражник хриплым голосом.

– Я Эдгар, – дружелюбно представился купец. – Торговец из деревни Чёрная Река. А это моя дочь Роза, – он указал рукой на девушку. – Мы едем в Басторг на ежегодную ярмарку. Чем можем помочь?

– Мы ищем беглого преступника, – амбал начал обходить повозку по кругу. – Что везёте?

– Четыре бочки эля, мясо, овощи и выделанные шкуры. Можете проверить, – Эдгар стянул тяжёлое мокрое полотно, укрывавшее груз в повозке.

– Так и сделаем, мы же ответственные стражники, – бугай переглянулся с напарником, залез в телегу и постучал по одной из бочек. – Нам нужно убедиться, что в них никто не прячется.

– Да, пожалуйста, – улыбнулся торговец. – Мы люди простые, нам скрывать нечего. Однако сегодня вот проезжали мимо подозрительного путника. Кругом глушь, а он один, да ещё и пешком. Поди, в город наострился – через часок сюда доберётся...

– Обязательно проверим, – хрипатый подошёл к лошади. – Не просто же так мы несём дозор, – смачно сплюнув под ноги, он взял кобылу под уздцы.

Громила с помощью ножа снял крышку с одной из бочек, окунул палец в содержимое и поднёс его к носу.

– Эль говоришь? – он подозрительно посмотрел на Эдгара. – А почему у него такой странный запах?

– Странный?.. – растерялся торговец.

– Ага. Что-то с ним не так... – амбал почесал шрамированное лицо. – Ну-ка, купец, подойди, понюхай.

Эдгар встал с сиденья, аккуратно пробрался через поклажу и приблизился к открытой бочке.

– Я ничего не чувствую, – раздосадованно сказал он после глубокого вдоха. – Пахнет элем.

– Нюхай лучше! – приказал здоровяк.

Торговец наклонился над бочкой, увидев своё отражение на тёмной поблёскивавшей поверхности – кончик носа едва не коснулся хмельного напитка.

– Всё равно ничего не... – фраза оборвалась вышедшими изо рта пузырями, и Эдгар понял, что его голова оказалась резко опущенной в эль.

Он рефлекторно схватился за края бочки, пытаясь вынырнуть из неожиданной западни. Но дрожащие руки купца не могли тягаться со стальной хваткой громилы. Больно сдавившая затылок, могучая пятерня не давала сделать даже глотка воздуха. Второй рукой стражник-переросток вынул кинжал из-за пояса торговца и отбросил его в сторону.

– Что вы делаете?! – вскочив с сиденья, в ужасе закричала Роза. – Немедленно прекратите!

– А иначе что, детка? – прохрипел голос за её спиной.

Девушка схватила хлыст и замахнулась на бугая, но второй стражник ловко стащил её с повозки за ногу. Со звучным шлепком упав в грязь, Роза тут же попыталась встать, да только удар сапогом в подбородок заставил вновь потерять равновесие.

– Ишь, какая боевая! – мерзкий голос арбалетчика перешёл в скрипучий смех, напоминавший надоедливую песню старого колеса.

Остатки воздуха вырвались на поверхность булькающим криком. Осознав всю слабость своих рук, захлёбывающийся Эдгар стал отбиваться ногами. Поочерёдно лягаясь, он пытался вслепую оттолкнуть амбала, но каждый раз сапоги ударялись лишь о ящики с товарами: самые крупные из них вздрагивали с тяжёлым стуком, иные же – разлетались по телеге, как игральные кости. Торговцу было невдомёк, что верзила, провернув ладонь у него на затылке, обошёл бочку с другой стороны. Глядя на бессмысленные брыкания полноватого мужичка, громила расплылся в кривой ухмылке.

Девушка собралась с силами. Вновь начала подниматься. Почти встала на четвереньки. Но мощный удар ногой под дых обрёк её крочиться в грязи, изредка постанывая.

– Остановитесь... – с трудом выдавила из себя Роза, и из уголка дрожавших губ стекла алая струйка крови.

Впервые она ощущала первобытный ужас, подгоняемый своим полным бессилием: родного отца убивали на глазах, а она ничего не могла с этим поделать.

– Прекратите... – прошептала девушка, сжимая в ладони комья грязи. – За что?..

С трудом перевернувшись и оторвав подбородок от сырой дороги, она подняла заплаканный взор к повозке. Эдгар уже не шевелился, его руки подобно верёвкам висели вдоль туловища.

– Вот это я понимаю – напиться до смерти, – широко улыбнулся амбал.

Он извлёк голову купца из бочки и сбросил его с телеги – тот упал навзничь, не подавая признаков жизни.

– Отец! Отец!!! – давясь всхлипами, Роза поползла в сторону бездыханного тела, но арбалетчик придавил её, наступив на спину. Девушка отчаянно закричала, после чего замолотила кулаками по грязевой каше: – Пусти меня, ублюдок!!!

Вдруг рука Эдгара зашевелилась. Он закашлялся, отплёвывая эль из лёгких. Лёжа на спине, это получалось плохо. Купец попытался перевернуться на бок, но руки и ноги отказывались слушаться.

– Стареешь, Билл, – усмехнулся стражник с арбалетом. – Совсем разучился убивать.

Бугай недобро посмотрел сначала на него, потом на Эдгара и внезапно спрыгнул с повозки прямо на грудь своей жертвы – вырвавшийся из губ торговца фонтан крови замарал дорогу багровыми разводами. Неприятное бульканье разинутого рта заглушил пронзительный душераздирающий крик, что вспугнул несколько ворон, устремившихся вдаль с недовольным карканьем. Эдгар ещё немного подёргался и, впившись пальцами в грязь, затих – арбалетчик одобрительно кивнул. Билл же подошёл к бившейся в истерике девушке, наклонился и зловеще произнёс:

– Сегодня не твой день, Рози.

Он схватил её за волосы и поволок к густым зарослям. Крича от боли и отчаяния, та вцепилась в придорожные кусты. Амбал даже не оглянулся: рванул русые космы на себя, едва не сломав девушке шею. Выскользнувшие из рук ветки обожгли ладони мелкими царапинами. Громила неумолимо тащил дочь купца в тёмный лес. Лицезрея мерзкую улыбку идущего за ними арбалетчика, она поняла всю гнусность их намерений, извернулась и окольцевала ноги бугая руками. Напрочь сковала его уверенный шаг! Но ненадолго... Обрушенная сверху оплеуха завалила Рози набок, пронзив рассудок болезненным звоном. Лёжа в траве жалкой тряпичной куклой, она бессильно смотрела, как мир вокруг проваливается во тьму.

* * *

Сознание девушки медленно прояснялось. Судя по удалённости потолка с качавшимся светильником, тусклый свет которого собрал рой мошкары и мотыльков, она находилась на полу какой-то захудалой лачуги. Услышав скрип, Рози повернула голову: замученный взгляд с трудом сфокусировался на переступивших порог сапогах.

– Отец... – не до конца придя в себя, пробормотала она.

– Не угадала, – недобро пробасил некто.

Будто ошпаренная кипятком, девушка вмиг подняла взор к жёлтой, как увядший подсолнух, ухмылке бугая.

– Нет... – испуганно пролепетала девушка, вспомнив всё, что случилось на дороге.

– Да, – довольно изрёк Билл и сел ей на ноги.

Он начал бесцеремонно срывать с неё остатки того, что когда-то было платьем. Сейчас же оно напоминало лишь перепачканную драную простыню. Рози истошно кричала и отбивалась руками, но жалкие отмашки только забавили громилу. Лоскуты одежды продолжали разлетаться по комнате. С треском разорвав тонкую камизу, амбал замер, жадно пожирая взглядом обнажённое женское тело. Пользуясь случаем, девушка нащупала на полу пустой глиняный кувшин и с размаху саданула им обидчика по голове. Однако верзила словно не почувствовал удара. Смахнув с плеча черепки, он грубо перевернул Рози на живот и, схватив за волосы, с силой приложил лбом о деревянный пол – заскакавшие в глазах искры отбили у девушки всякое желание сопротивляться.

Последующие десять минут дочь купца ощущала лишь нарастающую боль внизу живота и резкие толчки. Постепенно они становились всё быстрее и агрессивнее, только усиливая страдания. Гнилостное дыхание насильника вместе с ужасно кружившейся головой вызывали тошноту, и Рози закрыла глаза, чтобы не видеть ходившую ходуном комнату. Разум вновь призывал бороться, но ослабевшее тело уже приняло свою печальную участь: стать живой игрушкой для шрамированного урода. Она думала, что этот кошмар никогда не закончится, но внезапно, после очередного мощного толчка, здоровяк замер и внутри разлилось тепло. Билл встал, натянул блестящие кольчужным полотном штаны, а затем крикнул:

– Хэнк, твоя очередь!

В хижину незамедлительно вошёл второй стражник, который явно слонялся где-то рядом, ожидая приглашения. Приоткрыв глаза, Рози вознамерилась подняться, но смогла лишь со стоном перевернуться на бок, обнаружив себя лежащей в луже крови.

Смотря на тяжело дышавшую девушку, громила усмехнулся:

– По-моему, она заскучала...

– Не волнуйся, – с хрипотцой изрёк Хэнк. – Я знаю, как её взбодрить, – он небрежным движением ноги перевернул жертву на живот и, расстегнув ремень, приспустил штаны.

Рози попыталась отползти, но арбалетчик навалился на неё всем своим весом. Ещё через мгновение девушка ощутила резкую вспышку боли, настолько сильную, что даже не заметила, как ломаются впившиеся в пол ногти.

* * *

Человек в тёмном плаще неторопливо шёл по извилистой дороге. Дождь давно закончился, и отброшенный назад капюшон позволял ветру играть чёрными волнистыми волосами, непослушно спускавшимися чуть ниже плеч. Лёгкая небритость, вкупе со строгой двойной морщинкой между бровями, добавляла приятным мужественным чертам оттенок суровости. Туман неспешно рассеивался, и в молочной пелене уже различались силуэты дальних деревьев. Подсохшую дорогу пересекал устремлявшийся в бесконечность зеркальный след: тяжело-гружёная телега оставила после себя две глубокие борозды – последнее пристанище дождевой воды. Заметив игру света на длинной луже, странник откинул с лица сырые пряди и поднял глаза к небу. Сквозь бескрайние седые облака лениво пробивалось тусклое солнце – слабая надежда на тёплый вечер осталась в прошлом. Устало вздохнув, путник опустил взор на землю и моментально насторожился. На грязной дороге отчётливо прослеживались следы какой-то возни и размытое бордовое пятно. Свежая колея, вдоль которой он шёл всё это время, резко сворачивала в глухой лес. Возникшие в голове вопросы тотчас же переросли в тревожные опасения: налётчики. Услышав хруст ветки, странник откинул плащ со стороны висевших на поясе ножен. Однако вместо разбойников из кустов вышли двое стражников.

– Эй, ты! Именем короля, стой на месте! – грубо бросил лысый бугай, направляясь прямо к нему.

Арбалетчик же, нервно перебиравший в руке деревянные бусы, остановился у обочины дороги.

Путник отметил на редкость потрёпанный вид солдат: словно они дольше месяца не приводили себя в порядок. Подобные вольности были недопустимы в рядах городской стражи. Не менее странно смотрелся и нагрудник массивного воина: он приходился ему не по размеру, слегка сковывая движения рук. Выводы напрашивались сами собой: либо в Басторге глобальные проблемы с дисциплиной и экипировкой, либо вышедшая из леса пара не имела никакого отношения к блюстителям закона.

– Что-то случилось? – сухо спросил странник, глядя в шрамированное лицо остановившегося напротив верзилы.

– Да вот понять пытаемся... – не отводя глаз от незнакомца, пробасил амбал. – Наш патруль заметил следы крови на дороге, – он кивнул на бордовое пятно. – Знаешь что-нибудь об этом?

– Абсолютно ничего, – пожал плечами путник.

– Другого ответа мы и не ждали, – донёсся голос арбалетчика. – Только, кроме тебя, здесь больше никого нет...

– Кто ты и куда путь держишь? – продолжил допрос громила.

– Меня зовут Джон, и я направляюсь в город.

– Значит, в Басторг собрался... – оценивающе рассматривая его железную броню, заключил бугай. – И что у тебя там за дела?.. – он почесал костяшками пальцев широкую челюсть.

Черноволосяый воин заметил на шоссях стражника запёкшуюся кровь. Без единого намёка на последождевую грязь, что обязательно осталась бы на коленях, если бы тот детально изучал следы крови на дороге. Не подав виду, странник спешно прервал напряжённую паузу:

– Я Джон Скалинггер, первый советник короля Альрика, да хранят боги Его Величество!
– Придворный советник? Здесь? Без сопровождения и пешком?! – хрипло усмехнулся арбалетчик.

– Моя карета подверглась нападению разбойников. Охрана убита, а мне чудом удалось избежать смерти, – пронзил его твёрдым взглядом странник. – Могу я рассчитывать на ваше содействие в выполнении королевского поручения? – он вновь посмотрел на верзилу.

Стражники переглянулись.

– Конечно... Вот только что-то не похож ты на советника... – громила покосился на торчавший из-за спины Джона щит и угрожающе расправил плечи. – Чем можешь подтвердить свои слова?

– Мой меч с печатью самого короля, – странник потянулся к клинку, но через секунду уже находился на прицеле у арбалетчика.

– Убери руку от оружия! – прорычал тот, и Джон отвёл ладонь в сторону.

– Сейчас посмотрим, какой ты советник, – бугай вытянул меч из его ножен: в пронзавших облака солнечных лучах засиял добротный выполненный стальной клинок. Билл деловито покрутил его в руках, обратив внимание на большое количество царапин: – Для советника ты слишком много сражаешься...

– Ты лучше на рукоять погляди, – спокойно ответил странник.

На круглом навершии и правда прослеживался необычный остроугольный узор. Задумчиво хмыкнув, верзила взял меч за лезвие и поднёс рукоять к лицу, чтобы детальнее рассмотреть гравировку. В этот момент Джон резко толкнул клинок вперёд и тяжёлое навершие больно ударило разбойника по лбу. Над ухом воина просвистел арбалетный болт. Не отвлекаясь на стрелка, которому требовалось время на перезарядку, странник ударил громилу в челюсть. Не ожидавший такого напора Билл рухнул в грязь, ошарашенно выкатив глаза. Едва Джон сорвал со спины щит, как следующий болт вонзился прямо в него, в паре дюймов от обитого железом края, наполовину закрывшего сосредоточенное лицо воина. Арбалетчик оказался довольно ловким, но перезарядить оружие и сделать третий выстрел так и не успел: меткий бросок выхваченного из сапога ножа застал Хэнка врасплох – хрипя и плюясь кровью, стрелок упал с торчавшей из горла рукоятью. Разъярённый верзила уже поднимался с земли, попутно снимая со спины булаву:

– Советник ты или нет, но ты покойник!!!

Джон увернулся от пролетевших рядом острых лопастей и выполнил перекат к блестящему в грязи клинку, который громила отбросил в сторону во время падения. Через секунду странник стоял в полной боевой готовности: с щитом и мечом в руках. Билл посмотрел в серьёзное лицо своего противника, и его злая гримаса сменилась самодовольным оскалом.

– Думаешь, у тебя есть шансы? – процедил сквозь кривые зубы амбал. – Ты хоть знаешь, сколько черепов я расколол вот этой красавицей? – он крепко сжал оружие обеими руками. – Нечего сказать?! Тогда сдохни!

Бугай ринулся в бой – разрывавшую воздух булаву встретил щит, а меч, описав дугу, устремился к ногам Билла. Верзила отскочил назад, но выпад оказался ложным. Продолжая движение клинка, странник выполнил пируэт, превращая обманный манёвр в усиленную атаку. Рубящий удар дополнился шагом вперёд, и молниеносное лезвие поразило бедро амбала, выбив несколько колец из кольчужных шоссов. Вновь отбив свистящую булаву щитом, Джон занял оборонительную стойку:

– Сдавайся или закончишь, как твой приятель...

Билл покосился на лежавшего на обочине арбалетчика. Лицезрея его разинутый рот и немигающий, потерявшийся в облаках взгляд, громила свирепо заскрипел зубами:

– Сукин сын... За это я размажу твои мозги по всей дороге... Твой жалкий котелок разлетится как гнилая тыква...

Не обращая внимания на текущую по ноге кровь, разъярённый амбал с рёвом бросился на врага. Щит скрыл безумные выпученные глаза здоровяка и принял на себя тяжёлый удар булавы. Отведя дробящее оружие в сторону, Джон ответил прицельным колющим выпадом. Однако Билл, несмотря на допущенные ранее оплошности, оказался совсем не промах: на секунду отпустив рукоять, он ловко сбил атаку звякнувшим наручем. Глядя, как вторая рука верзилы продолжает замах, мечник признал, что недооценил врага: подобным умением мог похвастаться далеко не каждый воин. Свист булавы заставил странника вновь укрыться за щитом. Вложенная в удар звериная силища бугая отозвалась неприятной тяжестью в державшей оборону руке. Едва Джон хотел открыться для ответного выпада, как щит закачался от новой сокрушительной атаки. Мощь и скорость ударов громилы заметно возросла. Будучи незрячим, мечник решил бы, что сражается с бешеным медведем. Амбал, упиваясь пылающим гневом, превратил размеренное наступление в лютый безостановочный натиск. Странник же, наоборот, решил не лезть на рожон, а подождать, пока противник израсходует большую часть сил: с такой яростью запала надолго не хватит. Вот только неожиданный треск щита совсем не вписывался в намеченный план. Видя, как на обитой железом древесине растёт продольная трещина, Джон отбросил его в сторону:

– Проклятье...

– Проблемы, советничек?! – захохотал громила и размахнулся для очередного сокрушительного удара.

Минуя железные пластины на бёдрах противника, Билл вознамерился раздробить ничем не защищённое колено. И у него бы это получилось, если бы тот в последний момент не отскочил назад. Джон никогда не относил себя к робкому десятку и вполне мог похвастаться крепким телосложением, однако биться лоб в лоб с разъярённой горой мышц находил глупым. Тем более двуручная булава могла легко сломать клинок, в одночасье положив голову на плаху. Нужна была другая, совершенно непредсказуемая тактика. Отпрыгнув от очередной атаки, странник сделал перекат в сторону мёртвого арбалетчика.

– Иди сюда, трус! – предвкушая победу, заорал бугай.

Воин вытащил нож из шеи стрелка – теперь вместо щита в левой руке сверкало острое лезвие.

– Судя по шрамам, тебе довольно часто бьют морду, – спокойно сказал Джон. – Совсем не умеешь драться?

Билл с криком взмахнул булавой, но тот вовремя пригнулся – оружие со свистом рассекло воздух, где только что чернела макушка странника.

– М-да... – Джон тряхнул головой, откинув назад захлестнувшие лицо пряди. – Кажется, ты ни на что не годен без своего приятеля.

Взревевший громила сделал ещё несколько тяжёлых выпадов, но ни один из них не достиг цели: воин всячески уходил от ударов и даже не пытался атаковать, чем ещё больше бесил бугая.

– Это всё, на что ты способен? Давай, удиви меня! – рассмеялся Джон, осторожно обходя противника по кругу.

Амбал снова перешёл в наступление, правда массивное оружие и узкий нагрудник делали его неповоротливым, позволяя проворному мечнику безнаказанно выматывать врага. Когда свистящая булава в очередной раз разорвала пустоту, тяжело дышавший Билл агрессивно плюнул в сторону и остановился. Наблюдая, как по его красной оскаленной морде градом катится пот, Джон скучающе зевнул:

– Запыхался, образина? А я-то думал, мы только начали... – он опустил клинок и щурясь посмотрел на солнце.

Увидев хорошую возможность для атаки, пусть и весьма подлой, бугай сделал резкий выпад. Однако ловко выставленный меч стал для него неожиданностью. Нацеленная в голову

булава проскользнула по клинку и ударила о плечо воина, оставив небольшую вмятину на округлом наплечнике. Билл едва успел заметить блеснувшее лезвие, как острая боль пронзила его бок.

– Ну что, тупица, тебе больше не весело? – сухо спросил Джон, проворачивая нож.

Верзила выронил булаву и рухнул на колени. Несмотря на застывшее в глазах удивление, он попытался подняться, но от тщетных усилий сквозь стиснутые зубы лишь проступила кровь.

– Твоё последнее слово, – воин вознёс меч над поверженным разбойником.

– Будь ты проклят... – сплюнув кровь, прошипел Билл, и сверкнувший клинок оборвал его жизнь. Отрубленная голова покатила по грязной дороге, щедро орошая её багровыми каплями.

Едва всё закончилось, Джон почувствовал тянущую боль в плече и поморщился. В пылу схватки жажда жизни порою затмевает даже серьёзные ранения, что уж говорить о менее значимых. Воин протёр свой охотничий нож, сунул его обратно в сапог и покосился в сторону примятых украденной телегой кустов. В плену налётчиков могли оказаться ни в чём не повинные люди. Но стоило ли идти на осознанный риск на пределе своих возможностей? Бой отнял немало сил, да и треснувший щит был больше не пригоден для защиты. Джон старался думать логически: если бы в злосчастном лесу скрывались и другие бандиты, то они уже давно бы бежали на звон стали. Вряд ли он чем-то рисковал, в отличие от людей, что могли оставаться связанными и погибнуть от голода или стаи волков.

Воин прошёл через заросли и остановился. Парная колея, разрезая густой ковёр из листьев кислицы, устремлялась в глубь леса. Бесшумно двигаясь по вилявшему меж деревьями следу, Джон вышел к поросшей плющом, обветшалой лачуге. Ядовитое растение почти поглотило трухлявые брёвна стен, и лишь косая мшистая крыша выдавала в зелёном бугре заброшенное жилище. Не опуская окровавленного меча, воин осторожно обошёл вокруг хижины. Внезапно боковое зрение уловило движение! Он моментально развернулся в полной готовности принять бой, а там... привязанная к дереву лошадь, которая лениво гоняла хвостом назойливую мошкарку.

Выдохнув напряжение, Джон упёр клинок в землю и огляделся. Из соседних кустов торчали оглобли телеги, судя по выступавшим из листьев бочкам, той самой, что сегодня проезжала мимо. Но где же ехавшие на ней грузный мужичок и русая девица? Проверив повозку, странник вернулся к лачуге и остановился перед треснувшим затёртым порогом. В нос сразу же ударил идущий изнутри приторный запах эля. На первый взгляд открытое взору квадратное помещение казалось безлюдным. Но за ближайшей, недоступной для обзора, стеной вполне могла поджидать засада. Взяв во вторую руку манёвренный нож, Джон бесшумно вошёл в хижину. Никого. Единственным обитателем тускло освещённой комнаты был царивший в ней беспорядок. Два расположенных по бокам спальных места, из грязных тряпок и подгнившей соломы, больше походило на лежанки нищих из городских трущоб и не вызывали ничего, кроме отвращения. У дальней стены высилась полуразваленная каменная печь, служившая подставкой для пустой птичьей клетки. Пол посередине и вовсе напоминал багровую мозаику из глиняных осколков, размазанной лужи крови и пропитанных ею клочков ткани. Неужели разбойники успели избавиться от ненужных свидетелей? Или же раненые и напуганные люди прозябают в неволе?

– Погреб, – удивившись внезапному озарению, прошептал Джон.

Он сдвинул остриём клинка сальные лежанки, но потайного люка под ними не оказалось. Разочарованно вздохнув, воин покинул лачугу, вновь оказавшись в объёмах леса. Хотя в прошлом Джон и считался одним из лучших военных следопытов, сейчас он явно что-то упускал: нечто очевидное и в то же время незримое. Возможно, стоило взглянуть на всё под другим углом. Мечник присел на корточки и обвёл внимательным взором окружающие его заросли. Неожиданно глаз зацепился за примятую траву, малозаметную деталь, что ускользала от него

ранее. От вытоптанного перед хижинной пяточка в глубь чаши шла тонкая, почти не различимая тропинка. Интуиция подсказывала следопыту, что не стоит ходить туда, но это был единственный способ получить ответы на свои вопросы.

Чем дальше шёл следопыт, тем сильнее становился витающий в воздухе запах. Его сложно было с чем-то перепутать: запах смерти – смрад разлагающихся трупов, коему вторило нарастающее жужжание мух. Тропа вывела воина к обросшему высоким папоротником оврагу. Его болотистое дно устилала гора изуродованных человеческих тел. Отвратнее всего выглядели самые нижние: объединенные зверями и насекомыми, разбухшие от постоянных дождей. Они смешивались в единую зловонную массу из склизкой плоти и торчащих костей, где лишь по частям истлевшей одежды угадывались люди. Возможно, среди них были и настоящие хозяева того злосчастливого домика. Чуть выше гнили зеленоватые мертвецы с давно выклеванными глазами. У большинства в неестественно искривлённых ртах, пустых глазницах и расползшихся ранах копошились опарыши. Но две жертвы казались совсем свежими: окровавленный мужчина и обнажённая девушка, на лице которой застыла гримаса боли. Её мёртвые глаза смотрели прямо на следопыта.

Шок Джона сменился гневной дрожью. За свою жизнь ему довелось лицезреть немало ужасов войны, но видеть подобное безумие в мирное время – совсем другое. Поставив окончательную точку в истории разбойников, следопыт решил сжечь проклятую лачугу, чтобы она больше никогда не стала пристанищем потерявших человечность ублюдков.

Он вернулся в хижину, так как отчётливо помнил, что во время первого визита ему на глаза попалось огниво. На полу его не оказалось, и Джон перевёл взор на печку: искомое торчало из топки. Сунув огниво за пояс, следопыт направился к дороге, дабы оттащить убитых подонков к месту сожжения.

* * *

Вечерело. Красные лучи солнца падали на верхушки деревьев беспробудно тёмного леса. Повсюду стоял запах сырости. Мёртвую тишину периодически нарушал тревожный крик одинокой птицы, навевавший упадническое настроение в и без того мрачном месте. Со стороны оврага иногда доносились неясные шорохи: скорее всего, какой-нибудь чашобный зверь пришёл проведать свою «кормушку» на предмет новой еды.

Когда оба мёртвых разбойника лежали в лачуге, притомившийся Джон понял, что где-то обронил огниво. Он уже дважды пожалел, что взял его с собой. Поиски снова привели воина к дороге. Разжигательное приспособление сиротливо валялось на обочине. Вновь заткнув его за кожаный ремень, а заодно и захватив с собой булаву с арбалетом, странник пошёл обратно. Но едва он вошёл в лес, как до уха долетел топот копыт.

Всадник приближался к месту побоища. Завидев пятна крови и огромное количество следов на грязной дороге, любой ценой своей жизни дал бы дёру. Вопреки ожиданиям Джона, подъехавший на саврасой лошади коротко стриженный паренёк натянул поводья и покосился в сторону опушки. Болтавшийся за спиной лук, неброская кожаная броня и притороченные к седлу птичьи тушки выдавали в нём охотника. Ещё одна неравнодушная к чужой беде душа? В таком случае страннику следовало побыстрее убраться прочь, пока его самого не приняли за разбойника. Но, стоя в тени деревьев, он решил ещё немного понаблюдать за незванным гостем.

Всадник спешил и, ведя за собой лошадь, подошёл к краю дороги. Складывалось впечатление, что паренёк ожидал здесь кого-то встретить, но этого не произошло, и теперь на его лице читалось недоумение.

– Эй, ну вы где?! – звонко крикнул новоприбывший лесному безмолвию.

Из-под сени деревьев вышел человек в грязных железных доспехах и тёмном плаще. Юноша потянулся за луком, но направленный на него арбалет поубавил желание героизмовать, заставив медленно опустить руку.

– Ты кто такой? – без намёка на испуг или удивление проговорил парнишка.

– Кто ты и что здесь делаешь? – игнорируя его вопрос и приближаясь, холодно спросил следопыт.

– Я охотник. Привёз людям дичь.

– Вот так, по доброте душевной решил кого-нибудь покормить? – Джон приподнял бровь.

– Нет, – покачал головой паренёк. – Они просили три раза в неделю привозить птицу и щедро платили за неё.

– Ну ещё бы, – следопыт по-прежнему держал юнца на прицеле. – Ты знаешь, чем они тут занимались?

– Нет... Я дальше этой дороги никогда не ходил. Они расплачивались со мной здесь, и я уезжал обратно, – посмотрев в серые глаза воина, юный охотник добавил: – У меня тяжело больная мать... Я просто пытаюсь заработать денег на лекарства...

– Как тебя зовут? – Джон опустил арбалет.

– Торим...

– Так вот, Торим, ты привозил дичь очень плохим людям – разбойникам, поселившимся на окраине леса. Но это уже не важно. Я убил их и теперь хочу сжечь тела вместе с ветхой лачугой. Поможешь с дровами – подкину тебе пару медяков. Идёт?

– Ну-у-у... – задумался парнишка. – А это далеко? Не хотелось бы по темноте возвращаться...

– Недалеко, – Джон положил арбалет на плечо. – Да и работы тебе там от силы на полчаса.

– Что ж... По рукам, – кивнул Торим и взял лошадь под уздцы. – Веди...

– Да чего здесь вести, – следопыт махнул рукой в сторону опушки. – Полсотни метров по прямой. Иди, здесь никак не заплутаешь.

– А ты? – с подозрением взглянул на него юноша.

– Захватчу кое-что и сразу за тобой, – видя сомнение на лице парнишки, Джон с улыбкой добавил: – Был бы я бандитом, ты был бы уже мёртв.

– Убедил, – ответил охотник и направился к лесу.

Забрав лежавшую под деревом булаву и не выпуская Торима из виду, воин последовал за ним. Немного не доходя до хижины, юноша привязал лошадь к молодой сосне.

– Ну и что от меня требуется? – оглянулся он.

– Собери хворост для розжига, а я пока срублю вот это дерево, – Джон указал на сухую берёзу. Едва парнишка сделал шаг к валявшейся ветке, следопыт спросил: – Здесь топор-то есть?

– Да... – обронил Торим, и на его лице застыл неподдельный ужас.

– Ты же сказал, что дальше дороги никогда не ходил, – загадочно улыбнулся воин.

Торим сорвал с плеча лук, одновременно выхватывая из колчана стрелу, но взведённый арбалет был наготове – точный выстрел сразил охотника наповал. Несколько секунд парнишка ещё дрыгался в конвульсиях, прежде чем замер, сжимая окровавленными пальцами торчавший из груди болт.

– Не всем волчатам суждено стать волками, – бросил Джон, подойдя к убитому стрелку. – Твоим друзьям в хижине будет не так скучно.

* * *

Ночью среди глухих бескрайних лесов ярко горел огромный костёр. В языках пламени промелькивали искры возмездия и скорби. А дым разносил по округе очередную историю о чудовищах, обитающих в дремотной тишине мрачных чащоб.

Меж тем, когда чернилами благородства служит кровь, судьба нередко становится бумагой, грубой и сухой, – засыпая с чувством выполненного долга, подальше от зловещего места, следопыт и подумать не мог, что сегодня трижды подписал себе смертный приговор...

Глава 2

Блики утреннего солнца игриво сверкали на лёгкой ряби небольшого озера, затерявшегося среди густой рощи. Радостное пение птиц становилось всё громче, и Джон проснулся. Он лежал на песчаном берегу, покрытом редкими пучками травы, что еле заметно покачивались от неуловимого ветерка. Около давно истлевшего кострища валялись птичьи кости. Добыча Торима оказалась весьма кстати, как и ещё некоторые припасы, захваченные из повозки, ставшей ничьей по печальному стечению обстоятельств.

Если бы Джон и правда являлся советником короля, то вряд ли бы днём раньше месил грязь на размытой дороге. Даже за один перстень, подаренный правителем, можно выручить целое состояние и уж тем более найти способ быстро и комфортно добраться до города. Но не все слова воина были ложью. Он действительно угодил в засаду разбойников при переправе через бурную реку Шаль. Следопыт передвигался верхом по узкому бревенчатому мосту, когда подлая стрела, предназначенная ему, вонзилась в шею коня. От испуга и боли животное прыгнуло вниз, утаскивая всадника за собой и делая его заложником бурлящего потока. Сильное течение било Джона о камни, железные доспехи неумолимо тянули ко дну, а перекинутый через грудь ремень щита не позволял сбросить распластавшийся под водой плащ. Когда надежда и силы почти покинули следопыта, ему чудом удалось зацепиться за скользкое упавшее дерево и выбраться на берег. Так он остался без лошади и сумки с провиантом. Напоясанный кожаный мешочек с монетами порвался о подводную корягу и заметно исхудал. Сохранив из всей поклажи лишь меч, щит и горстку медяков, странствующий воин отправился в ближайший город за припасами. И по насмешке судьбы столкнулся с другими бандитами. Однако последнее злключение было ему даже на руку.

Судя по количеству жертв в овраге, убийцы уже долгое время совершали налёты на одиноких путников. Немало торговцев должно было пропасть бесследно. Бандиты на единственной ведущей к городу дороге наносили существенный вред его экономике. В таких случаях стражники с гончими обычно прочёсывали лес, и, скорее всего, один из отрядов так и не вернулся с задания. Это вполне объясняло, как разбойники смогли разжиться усыпавшей бдительность бронёй. Столь вопиющая проблема не могла остаться незамеченной местными властями, а значит, за их головы уже давно назначена награда. Ею Джон и планировал откормить свой сдувшийся кошель.

Воин привстал и осмотрелся. Немного поодаль лениво пощипывала траву пара лошадей, крепко привязанных к стройному клёну. На сучке висел облюбованный мухами бугроватый мешок. Настало время наведаться в город, до которого, по расчётам Джона, оставался час езды. Следопыт опустил взгляд на свои доспехи, сплошь покрытые слоем засохшей грязи и крови. Кому-то явно стоило привести себя в порядок. Чистить железо золой и прибрежным песком – то ещё «удовольствие», и перед предстоявшей рутинной работой воин решил освежиться: холодная озёрная вода бодрит не хуже тонизирующих эликсиров травников. Смыв с себя остатки вчерашнего дня, воин уселся на тёплый камень и принялся за дело.

Спустя полтора часа Джон, поблёскивая бронёй, уже рысил в сторону Басторга на саврасом мерине. Следом за ним на привязи бежала гнедая кобыла, за которую он также намеревался выручить немного золотых.

* * *

Уже много веков главным городом королевства Эльтарон являлся портовый град Энсиль. Но спроси любого встречного, что он думает о столице, и тот уточнит: «О какой именно?».

Басторг, небольшой, укрывшийся среди лесов городишко, люди уважительно называли Дикой столицей страны. Несмотря на удалённость от других поселений и тесное соседство с непроходимыми чащобами, он сумел добиться больших успехов. По уровню развития и мастерству ремесленников Басторг ничуть не отставал от крупных городов, имевших прямой выход к морю или стоявших на торговых путях. Для зелёного океана лесов с мелкими кораблями-деревушками он стал настоящей жемчужиной, островом, державшим на себе всю экономику Западного Побережья.

Солнце было уже в зените, когда Джону из-за деревьев показались серые каменные стены. Миновав поворот, следопыт неприятно удивился закрытым воротам и стоявшей у арки паре стражников: складывалось впечатление, что в город ему так просто не попасть. Глядя, как дозорный на башне снимает со спины арбалет, Джон пустил коня шагом. Ему было невдомёк, что здесь не очень любили чужаков, особенно если их внешний вид хотя бы намекал на опасность. Засилье воров и убийц, паразитировавших на Западном Побережье, вынудило власти держать ворота запёртыми и досматривать каждого, кто стремился войти. Следопыт спешился и взглянул на пристально наблюдавших за ним стражей:

– Почему ворота закрыты?

– Тёмные времена. Мы не пускаем в город абы кого, – ответил усатый стражник, опираясь на алебарду.

– И как я могу попасть внутрь? – Джон миролюбиво улыбнулся.

– По пропуску местного жителя или разрешению на торговлю, – алебардист окинул его оценивающим взором. – Но сдаётся мне, ни того, ни другого у тебя нет, поэтому можешь разворачиваться и ехать обратно.

Следопыт видел какие-то разбросанные по телеге бумаги, которые разбойники, видимо, сочли за бесполезный мусор. Наверняка там нашёлся бы подходящий документ, но возвращаться к мрачному пепелищу совсем не хотелось. Впрочем, как и выдавать себя за другого человека.

– Позовите капитана, – твёрдым голосом сказал Джон.

– С чего бы это? – недовольно изрёк усач. – Особенный, что ли? Показывай пропуск или проваливай...

– Эй, не горячись, – с улыбкой проговорил следопыт. – Полагаю, я решил часть ваших проблем, и хотел бы получить за это награду, – он указал рукой на притороченный к седлу окровавленный мешок, от которого уже исходил гадкий запах. – Вам, часом, разбойники не докучали?

– И кто же там у тебя? – со скукой в голосе поинтересовался копейщик. – Наказал воришку кур или менялу-обманщика? За такой самосуд можешь и сам в петлю пойти...

Когда на землю упали три отрубленные головы, стражники на какое-то время потеряли дар речи.

– Ну и дела... – наконец выдавил из себя алебардист и растерянно почесал затылок.

– Я за капитаном, – пробормотал другой солдат и, приоткрыв тяжёлые ворота, проскользнул в город.

– Ты хоть понимаешь, чьи головы принёс? – на лице усача появилась довольная ухмылка. – Эти твари полгода терроризировали наши земли, и всякий раз им удавалось уйти от правосудия. Где ты с ними столкнулся?

Джон рассказал ему все подробности неприятной встречи. Едва он закончил историю, как алебардист с негодованием сжал древко обеими руками, словно пытался кого-то задушить:

– Сукины дети... За стражников, значит, себя выдавали... Вот же твари...

– Да... И, судя по количеству трупов в той яме, они в этом весьма преуспели, – мрачно заметил следопыт. – Я её ветками, конечно, прикрыл, но бедняг бы похоронить нормально...

– Пусть сперва местные своих опознают, а то тут столько народу попропадало. Некоторых уже месяцами ищут...

Услышав заскрипевшие ворота и шум города, алебардист перестал опираться на оружие: встал, как и подобает стражнику. За стены Басторга вышел седой мужчина в начищенных сапогах, сверкающих золочёных доспехах и перекинутом через плечо бордовом плаще – капитан городской стражи Люций Дорвертан. Сцепив руки за спиной, он неторопливо подошёл к валявшимся головам и удивлённо произнёс:

– Кто бы мог подумать... Скрипучий Хэнк и Билли Бешеный шрам. Приговорены к смерти за неоднократные изнасилования, грабежи и убийства, но за день до казни бежали. Не без посторонней помощи, разумеется. Да-а, немало моей крови они попили, – капитан брезгливо перевернул последнюю голову мыском сапога. – Кто третий?

– Был с ними заодно...

– Можешь не продолжать. Туда ему и дорога... Но ты же не просто так принёс их сюда, верно? – Люций Дорвертан снял с пояса звенящий мешочек и кинул его Джону. – От лица всех жителей Басторга выражаю тебе благодарность за свершённое правосудие.

– Я весьма польщён, – поймал награду следопыт. – А если пустите в город, буду и вовсе рад без памяти.

– У него нет ни пропуска, ни торгового разрешения, – сконфуженно проговорил алебардист.

– Вот его пропуск, – кивнул на головы Люций Дорвертан. – Басторгу нужны такие люди. Впусти его.

– Слушаюсь, – стражник спешно направился к воротам и с усилием распахнул их правую половину.

– Благодарю, – взяв мерина под уздцы и убедившись, что кобыла не отвязалась, Джон двинулся вперёд.

Когда он проходил мимо капитана, тот осторожно придержал его за руку, вынудив остановиться:

– Судя по всему, ты неплохой воин, – не поворачивая головы к собеседнику, негромко произнёс командующий стражей. – И всё же... береги себя.

Немного удивлённый странным напутствием, следопыт ответил коротким кивком и вошёл в город. Его взору открылась широкая брусчатая площадь, сплошь заполненная людьми и повозками с товаром – ежегодная ярмарка Басторга!

Грандиозное мероприятие уже давно стало доброй традицией и в первый свой день всегда собирало толпы горожан. Каждому было любопытно, что привезли съехавшиеся со всей округи купцы и каким диковинным товаром могли порадовать местные ремесленники, которые всегда готовились к ярмарке заранее. Торговля превращалась в негласное соревнование, и уже за сегодня появились первые фавориты: гурманы из числа праздных гуляк восхваляли земляничное вино, в то время как сердца девушек всецело покорили полупрозрачные бусы из голубого кварца. Однако мероприятие славилось не только изысканными и необычными товарами. Здесь можно было найти всё: и свежий провиант, и недорогую одежду, и неплохие целебные снадобья.

Джон поставил лошадей в ближайшую конюшню и с сомнением посмотрел на заполнившую всю площадь ярмарку. В шумной толпе, пестрившей яркими нарядами купцов, наверняка работали карманники. Сходить за припасами можно было и позже, когда большая часть народа разойдётся, но путь к улицам города всё равно пролегал через торговые ряды. Прикрыв ладонью висевший на поясе мешочек, следопыт стал протискиваться через хаотично бредущий люд, с каждой секундой всё больше погружаясь в царившую вокруг какофонию. Все голоса сливались в непрерывный монотонный гул, из которого изредка проступали призывные крики торговцев, звон подков и скрипы тяжело нагруженных телег. В центре ярмарки звучала задор-

ная мелодия флейты. Там под восторженные охи толпы показывали своё представление шпагоглотатели, факиры и заклинатели змей. Засмотревшись на изрыгавшего пламя смуглого мужчину в шароварах и чалме, идущий Джон чуть не врезался в женщину с грудным ребёнком.

– Осторожнее, – прижимая к себе дитя, возмущённо вымолвила горожанка.

– Простите, – виновато сказал следопыт и поспешил удалиться с ярмарки.

За площадью раскинулась огромная гряда деревянных строений, создававших лабиринт из узких улочек. Здесь было тихо и безлюдно – отрада для души, давно отвыкшей от громких празднеств. Идиллию нарушал лишь одинокий металлический стук, что доносился откуда-то с соседней улицы. Джон надеялся найти гостиницу, но раз уж первым попался кузнец, то сначала можно было поправить пострадавший от булавы наплечник. А заодно и разузнать, где лучше остановиться на ночь.

Мускулистый, широкоплечий кузнец неустанно бил молотом по раскалённой заготовке. Каждый удар высекал яркие оранжевые искры, что, отскакивая от кожаного фартука, находили покой на холодном камне мостовой. Услышав шаги, он вытер со лба пот и посмотрел на остановившегося рядом черноволосого воина:

– Надо же. Трезвый и серьёзный. Неужто на ярмарке закончились выпивка и веселье?

– Нет, – поморщил нос следопыт. – Просто отвык от подобных мероприятий.

– Я тоже. Да и вообще не очень люблю шум.

– Странно это слышать от человека, целый день стучащего по наковальне, – Джон усмехнулся.

– Обижаешь, – положив молот и клещи, кузнец взял со стойки меч, украшенный резной гардой и навершием в виде головы быка. – Это не стук, а музыка. Песня, рождающая великие творения, – он поворачивал клинок, позволив свету показать всё совершенство идеально отполированной стали.

– Да-а-а, впечатляет, – одобрительно покивал следопыт. – Пожалуй, соглашусь с тобой.

– То-то же, – кузнец с довольной улыбкой вернул меч на место. – Так чего подошёл?

Поглазеть аль хотел чего?

Джон указал глазами на помятый наплечник:

– Такое для тебя, наверное, вообще плёвое дело. Возьмёшься?

– Два серебряника, и к вечеру будет готово, – кузнец призадумался, перебирая пальцами рыжую бороду. – А если что-нибудь купишь, то поправлю при тебе и бесплатно.

Кузница была переполнена холодным оружием и латной бронёй, соблазнительно поблёскивавшими от пламени раскалённого горна. В каждом углу помещения стоял одетый в классические тяжёлые доспехи деревянный манекен. Между ними тянулись ряды суровых двуручных булав, клейморов и молотов. Самый верх занимали изящные кинжалы, утончённые рапиры и щиты. Каждое изделие было заботливо зафиксировано на специальных железных держателях, глубоко ухोдивших в каменную стену. Великолепие боевого металла поражало воображение. Взор следопыта остановился на тёмном треугольном щите с серебряным изображением дракона:

– Даже боюсь спрашивать о цене...

– О, я вижу ты понимаешь в искусстве! – воскликнул кузнец. – Тридцать серебряников или три золотых, и одна из моих лучших работ станет твоей. Лёгкий. Прочный. Удобный. Идеальный баланс чёрного дерева и булатной стали. Я уверен, он не раз спасёт твою жизнь. На, дружище, сам поддержи его...

Следопыт покрутил щит в руках, постучал по плоскости, внимательно осмотрел заклёпки и крепёжные ремни. Похоже, кузнец не врал про отменное качество изделия.

– Идёт, – воин отсчитал три десятка серебряных монет.

– Давай сюда свой наплечник. Сейчас будет как новый.

И по пустым улицам вновь разлетелась звонкая песня кузнечного молота.

* * *

Близился вечер. Треть горожан уже разошлась по домам, и на площади стало не так тесно. Джон неспешно прогуливался меж торговыми рядами. В его новой кожаной котомке были аккуратно уложены пресные лепешки и полоски вяленого мяса – отличный выбор для любого странника, собравшегося в долгое путешествие. Увидев в конце ярмарки так называемый «уголок чародеев», следопыт, будучи прожжённым скептиком, направился напрямик туда. Он любил заглядывать в подобные места, всякий раз удивляясь нескончаемой изобретательности шарлатанов. Сегодня тоже было на что посмотреть.

За первым прилавком стояла бледная женщина, гнусавым голосом расхваливавшая свои особые исцеляющие зелья. Плававшая в одной из склянок муха прекрасно дополняла абсурдную картину. Чуть дальше расположился мужчина с клиновидной бородкой в чёрной, расширенной серебром мантии. Он пафосно размахивал приносящими удачу талисманами, но судя по тому, сколько их лежало в ящике под ногами, они не сильно помогали ему в торговых делах. За ним, деловито восседая на бочке, беззубый старик продавал волшебный компас, по его смелому заявлению, отыскивавший любые закопанные клады. Несомненно, если бы не преклонные года, он и сам бы бросился на поиски несметных богатств. Ну а в конце, как и полагается, стояла закрытая повозка ворожеи. Висевшая над входом табличка обещала предсказание судьбы, снятие родовых проклятий и излечение души энергией солнца.

Купив всё необходимое и подняв себе настроение, Джон уже собирался покинуть ярмарку, как внезапно на городской площади затрубил рог. Множество глаз устремилось в сторону трибуны, на которую поднимался человек в золочёных доспехах. Оказавшись наверху, Люций Дорвертан остановился и обвёл взглядом толпу, ожидавшую его дальнейших действий.

– Жители Басторга! И его добрые гости, – начал свою речь капитан. – Как вы знаете, проблема преступности за последние годы достигла своего пика. Единственная дорога к городу стала смертельно опасной, а мы увязли в трясине собственного бессилия. Но сегодня ветер переменился...

Стоявший за спиной Люция солдат перевернул окровавленный мешок, и на дощатый пол упали две отрубленные головы.

– Печально известные Скрипучий Хэнк и Билли Бешеный шрам – давние члены банды «Бездушные». За свои многочисленные злодеяния они были давно приговорены к смертной казни, и наконец справедливость восторжествовала.

По площади прокатилась волна шёпота.

– Сегодня мы стоим на пороге новой эры... Эры храбрых и небезразличных людей. И в ней нет места страху! Отныне ворота нашего города будут всегда открыты. Я, Люций Дорвертан, объявляю войну всем, кто пытался сломить нашу веру! Всем, кто подло нападал на слабых и беззащитных!

Встревоженный гул толпы постепенно нарастал, и капитан приподнял руку, чтобы ему дали закончить речь. Едва разговоры затихли, он продолжил:

– Это не пустые обещания. С сегодняшнего дня дневной караул удваивается, а после заката улицы города будут патрулировать специальные ночные отряды. Я сделаю всё, чтобы разбойники, скрывающиеся в здешних лесах, оказались на плахе. В наших силах дать отпор преступности. Вступайте в ряды городской стражи и боритесь вместе с нами. За закон! За жизни своих близких! За будущее Басторга!

Толпа рукоплескала. Восторженные крики и свист чуть не оглушили следопыта. Когда шквал оваций стих, Люций Дорвертан добавил:

– И не забывайте: любая помощь в поимке преступников будет щедро подкрепляться городской казной. Истребим эту заразу вместе!

После этих слов капитан в сопровождении двух стражников удалился, оставив людей возбуждённо судачить об услышанном. «Город в надёжных руках», – подумал Джон и покинул ярмарку.

Теперь воин планировал найти место, где можно было бы снять комнату, пропустить пару глотков крепкого эля и, наконец, рухнуть в объятия сна. Кузнец посоветовал ему остановиться в «Постоялом дворе дядюшки Сэндерсона», что находился где-то на главной улице. Следопыт неспешно брёл по мостовой, попутно читая вывески на фасадах деревянных зданий. Первой ему на глаза попала потрескавшаяся табличка с нарочито небрежной надписью «Травы и зелья». За ней следовала висевшая над входом бочка, на которой из вкрученных в неё винных пробок было выложено «Сухая кружка». Третья цельнометаллическая художественно выкованная вывеска в виде молота и наковальни говорила сама за себя.

Внимание воина привлёк человек с торчащими, невероятно длинными усами, облачённый в нелепую красно-белую тунику и крапчатые штаны. Он стоял у входа в трёхэтажное строение с деревянным щитом в форме подушки, украшенным по центру скрещенными ложкой и вилок. При ближайшем рассмотрении обладателем тараканьих усов оказался молодой паренёк. Едва завидев Джона, он набрал побольше воздуха в грудь и нараспев задекламировал:

«Эй, путник усталый, нужен ночлег?
Места ты лучше не сыщешь вовек!
Дядюшка Сэндерсон любит гостей!
Здесь всё по уму и всё для людей!
Двор постоялый всех в гости зовёт!
Что же внутри тебя, странник, там ждёт?
Пир живота в свете ярких свечей,
Музыка лютни – услада ушей,
Мягкая койка, горячий очаг!
Вас отделяет от счастья лишь шаг!
А коли не веришь честным словам,
Друг, заходи – убедись во всём сам!»

Закончив своё выступление, паренёк поклонился и, задорно пошевелив усами, сделал приглашающий жест. Кузнец не приукрашивал: снаружи заведение выглядело достойно, а от спектакля зазывалы веяло столичной затейливостью. Джон усмехнулся, одобрительно кивнул и направился к входной двери.

* * *

Сиреневые облака медленно ползли по красному зареву, когда дозорный, стоявший на башне над внешними воротами Басторга, заметил нечто странное: над лесом, недалеко от города, поднимался столб густого дыма.

– Это ещё что такое? – пробормотал арбалетчик, всматриваясь вдаль.

– Сырые листья, смола и немного древесины, – вдруг услышал он голос за своей спиной и резко развернулся.

Перед ним предстал незнакомец в кожаной чёрной как уголь броне: рельефном нагруднике с боковыми ремнями, лёгких клёпаных штанах и высоких сапогах. Голову воина покрывал капюшон, а на нижней части лица красовалась такая же чёрная маска. Висевшие на поясе кинжалы не оставили у стражника никаких сомнений.

– Ассасин! – хотел было крикнуть арбалетчик, но молниеносный удар в челюсть оборвал слово на корню, заставив его рухнуть на каменный пол.

* * *

Скучающие у ворот стражники тоже заметили дым. Не имея возможности покинуть пост, они спорили о том, что это могло быть.

– Кто-то разбил лагерь недалеко от города, – сказал копейщик, размыв конец фразы широким зевком.

– Да брось ты, – отмахнулся усатый страж. – Какой дурень будет кормить комаров на болоте. Тут до ночлежки рукой подать.

– Тот, кто не может войти в город... – с пренебрежением ответил подтянутый солдат.

– Разбойники? – уловил ход его мыслей алебардист. – Не думаю. Они не настолько тупые, чтобы ошиваться так близко. На пожар тоже непохоже. Уже бы полыхнуло и разошлось. А дым всё столбом стоит, да ещё какой густой. Нет там огня – тлеет что-то.

– Само по себе? – настаивал на своей версии напарник.

– Вечно тебе везде прощелыги чудятся, – усмехнулся усач. – Сегодня ярмарка открылась. Народ веселится и гуляет. Дети без надзора. Вот, небось, и балуются.

– Ну, может, и так... – неохотно допустил такой поворот событий копейщик. – А знаешь что? Давай спросим у Зандара. Ему с башни виднее, – он запрокинул голову и крикнул: – Эй, Зандар! – немного подождав, но так и не услышав ответа дозорного, стражник добавил: – Где ты там?! Уснул, что ли?!

– Не хотите купить арбалет? – вдруг раздался негромкий вкрадчивый голос.

Часовые с удивлением опустили глаза на человека в чёрном. Непринуждённо прислонившись к стене, он крутил в руках небольшой арбалет, изредка поглядывая на блюстителей порядка.

– Ты ещё кто такой? – насторожился алебардист, готовый поклясться, что ещё несколько секунд назад там никого не было.

– Я тот, кто продаёт арбалет, – незнакомец прицелился из него в небо. – Прекрасное дальнобойное оружие.

– Что за... Это арбалет городской стражи! – взяв алебарду наискосок, усач завёл её острый конец себе за спину. – Ты где его взял?!

– Там... на башне... – неизвестный указал пальцем вверх.

Стальная дуга со свистом разрежала воздух и, высекая искры, прочертила каменную стену, у которой только что стоял незванный гость. Изящный перекаат позволил ассасину быстро оказаться за спиной у стражника. Лёгкая подсечка, удар арбалетом по голове и алебардист растянулся на земле без сознания.

Незнакомец ловко поднял его оружие, наблюдая, как второй нападающий делает прицельный выпад копьём. Ассасин моментально выгнулся назад – ромбовидное остриё прошло над ним, сверкнув в опасной близости от подбородка. Уклонившись от атаки, неизвестный выпрямился, раскрутил вокруг себя алебарду и нанёс её тупым концом удар точно по шлему изумлённого копейщика. Тот зашатался и словно подкошенный упал наземь.

– Кого только понабрали город охранять, – проворчал человек в чёрном, оттаскивая часовых к ближайшим кустам. – Хотел бы я вас убить, вы бы меня даже не заметили.

* * *

В отличие от придорожных трактиров, где не затихали пьяные крики, звон бьющихся кувшинов и драки, «Постоялый двор дядюшки Сэндерсона» славился своим уютом и гостеприимством. Расставленные по периметру латунные канделябры со множеством свечей озарили самые дальние уголки просторного зала. Дощатые стены были украшены простенькими гобеленами с листовным орнаментом. В дальней части холла, в противоположной стороне от стойки, на небольшой деревянной сцене играл лютнист. По центру стояло не меньше дюжины столов. Большинство из них пустовало, но за некоторыми, ведя негромкие беседы, ужинали припозднившиеся постояльцы.

Джон тоже не спешил подниматься в свою комнату: сидя за стойкой, он допивал вторую кружку эля, наслаждаясь спокойной мелодией лютни. Пальцы музыканта умело перебирали струны, и по душе струилось незримое умиротворение. Вскоре, взглянув на догорающий за окном закат, лютнист закончил игру красивым аккордом и отклонялся. Вместе с ним разбрелись и постояльцы. Следопыт остался наедине с хозяином, неторопливо убирающим грязную посуду с ныне свободных столов. Слушая потрескивание камина, воин не заметил, как провалился в глубокие думы.

Вынужденный крюк из-за чёртовых разбойников стоил страннику трёх дней пути – планы вернуться в родной край не позже Дня Урожая накрывались медным тазом. А там, на востоке королевства, пустовал оставленный Джоном дом. Было глупо полагать, что за несколько лет странствий жилище не обветшало и не припасло ряд неприятных сюрпризов, с которыми стоило разобраться до первых заморозков.

Жалостливо скрипнувшая дверь вывела следопыта из размышлений. На пороге стоял невзрачный, лохматый мальчуган в светлой рубашке, зелёных мешковатых штанах и тёмных башмаках. Окинув холл беглым взором и нервно пригладив песочно-русые волосы, он проследовал к стойке.

– Эй, хозяин, плесни-ка мне винца, – деловито сказал юнец, усаживаясь на круглый табурет справа от Джона.

Кудрявый мужчина взял с полки кувшин:

– Если надо, есть свободная комната и остатки ужина.

– Спасибо, учту, – лаконично ответил голубоглазый парнишка.

Пододвинув к нему наполненный бокал, хозяин вернулся к своим делам. Юнец взглянул в сторону следопыта и вдруг замер.

– Постой-ка... – он всем телом развернулся к Джону. – Ты же тот самый герой, что уложил двух головорезов из «Бездушных», – голос паренька был переполнен восхищением. – Слухи о тебе расползаются, как змеи от пламени.

Джон ничего не ответил и, наградив его лишь утомлённым взором, снова поднёс деревянную кружку к губам. Но приставучий собеседник и не думал униматься. Он подсел поближе и заглянул следопыту в лицо:

– Так сколько платят за голову разбойника? А то вдруг я завтра решу прикончить парочку подонков.

– Ты? – усмехнулся Джон, покосившись на худощавого мальчишку. – Меч-то хоть в руках удержишь?

– Я предпочитаю драться сразу двумя мечами, – серьёзно сказал юнец. – Не люблю оставлять противнику даже шанса на победу.

– И где же твои мечи? – как будто бы удивившись их отсутствию, поинтересовался следопыт.

– Ну-у-у... – помялся парнишка. – Мой оруженосец отчищает их от крови, – он сделал глубокий вдох и залпом осушил бокал. – Ладно. Мне нужно бежать. Готовиться к очередной схватке.

– Понятно, – рассмеялся Джон, допивая эль. – Что ж, удачи тебе, боец!

– Спасибо! Хозяин, запиши вино на счёт моего друга! – вставая, протараторил мальчуган и быстро вышел на улицу.

Смысл последней фразы доходил до следопыта постепенно. Приблизительно с такой же скоростью сползала улыбка с его лица. Когда Джон обнаружил, что пропала и стоявшая у ног котомка, то понял, зачем юнец заговаривал ему зубы, строя из себя деревенского дурачка. Перспектива потерять припасы, забравшие под себя большую часть оставшихся средств, быстро разогнала сонливость. Кинув несколько медяков на стойку, следопыт выбежал вслед за мелким воришкой.

Город находился во власти сумерек. На небе появлялись первые звёзды. На улицах не было ни души. После шумной ярмарки большинство горожан уже давно видело сладкие сны. Воин с превеликим удовольствием собирался разделить их участь, но гадкий мальчуган всё испортил. Заметив в темноте удаляющуюся спину, Джон грозно закричал:

– Эй, ты! А ну, стой!

Он и не ждал, что юнец останется стоять на месте, но надеялся, что тому хватит мозгов сбросить украденное, дабы избавиться от преследователя и не поднимать шума, на который рано или поздно сбежится стража. Однако, едва завидев хозяина котомки, вор рванул наутёк, крепко прижимая добычу к груди. Следопыт чертыхнулся и, гремя доспехами, бросился за ним, хотя понимал, что тяжёлая экипировка с болтавшимся сзади щитом и затруднявшими передвижение ножами просто не позволит ему нагнать маленького негодяя. Но и выпускать его из вида он не планировал.

Это ж надо было вляпаться в очередную историю, да ещё и на ночь глядя. Что же так не везло-то в последнее время? Стоило расправиться с одной проблемой, как на её месте тут же вырисовывалась другая. Впрочем, и сама кража поражала неслыханной дерзостью. Не в дневной толкучке ярмарки, а в опустевшей, сонной гостинице, нагло пуская пыль в глаза! Да за кого этот лживый парнишка его принимал?! Лишь праведный гнев придавал уставшему и захмелевшему воину сил не отставать от маячившей впереди спины.

Когда воришка приближался к воротам, запыхавшийся следопыт понадеялся на охранявшую их стражу: уж они-то должны были сцапать подозрительно удирающего юнца. Однако, к удивлению, вход в Басторг никем не охранялся! Паренёк беспрепятственно выбежал из города!!! Запнувшись о торчавший на дороге камень, он чуть не упал, но быстро выровнялся и, обнимая котомку обеими руками, свернул в заросли. Джону ничего не оставалось, как последовать за ним.

За зарослями оказался травянистый склон, который заканчивался небольшой речушкой, таинственно серебрившейся в холодном свете луны. Увидев сбегающего по нему мальчугана, воин бросился за ним. Мечтавшие о мягкой кровати ноги уже не слушались, и Джон поймал себя на мысли, что не хватало ещё поскользнуться на росистой траве и кубарем покатиться вниз. Это было бы достойным завершением беспокойного вечера.

Шустрый юнец без оглядки домчался до реки, перебрался на «пришвартованный» плот и, вооружившись шестом, стал отталкиваться им от берега. Такой расклад дел совсем не устраивал Джона. Неужели он позволит обставить себя какому-то желторотому мальчишке?! Собрав все силы, следопыт рванул вперёд, быстро сокращая расстояние до цели. С разбегу запрыгнув на плот, и тем самым ускоряя его движение, он завалил воришку на спину.

– Ты что творишь, сопляк?! – тяжело дыша, заорал мечник, сдавливая руками хрупкую шею негодника.

– спасаю... тебе... жизнь... – отчаянно прохрипел юнец.

– Чего?.. – ошарашенный ответом Джон немного ослабил хватку.

Парнишка откашлялся и кивнул в сторону берега. Следопыт присмотрелся: в лунном свете очерчивались силуэты всадников. Один из них, загнав лошадь по грудь в тёмную воду, замер словно статуя. Спустя секунду справа от плота просвистела стрела.

– Какого... – изумлённый воин отпустил шею воришки.

Плывущий по ночной реке плот – сложная мишень, но Джон решил не проверять мастерство лучников. Полагаясь на свою броню и сняв со спины щит, он укрыл за ним голову и загордил собой вставшего юнца. Никакая стрела не смогла бы пробить железо, а вероятность её попадания в незащищённые части ног была крайне мала. Но лучники больше не стреляли. Услышав на берегу крики, следопыт осторожно выглянул из-за щита: всадники скакали галопом в сторону каменного моста, что темнел впереди над рекой в сотне метров от них.

– Чёрт... Они доберутся до моста быстрее нас, – мрачно сказал воин. – Едва мы приблизимся, нас изрешетят стрелами, а может и спрыгнут на плот, – он поднял длинный шест. – Нужно выбираться на берег.

– Нет! – воскликнул паренёк. – Доверься мне. Точнее... ему...

– Кому? – Джон вопросительно взглянул на худощавого юнца, но тот лишь напряжённо смотрел вдаль.

Следопыт стоял перед терзающим выбором: доверить жизнь неизвестному мальчугану или поступить, как подсказывает здравый смысл. Воин ещё раз покосился на взлохмаченного воришку: судя по всему, у него был какой-то план.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь...

Плот приближался к зловещему мосту, черневшему на фоне яркой луны. Джон с щитом стоял в готовности отражать шквал стрел, если вдруг сверху появятся недоброжелатели. Абсолютная тишина, нарушаемая тихими всплесками воды, неприятно щекотала нервы. Никого. Звёздное небо скрыла каменная арка. Неужели преследователи замыслили нечто более гадкое, чем он предполагал? Или же они решили воплотить задуманное после того, как плот преодолевает короткий тёмный туннель? Вдруг от основания моста бесшумно отделилась тень, заставившая брёвна чуть глубже погрузиться в воду. Рядом с парнишкой возник человек в маске, с ног до головы затянутый в чёрную кожаную броню – ладонь следопыта скользнула к мечу.

– Не стоит, – блеснув кинжалами в руках, строго произнёс незнакомец. – Всё равно не успеешь его достать.

– Что с погоней, Рэксволд? – встревоженно спросил юнец.

– Они отдыхают, Алан. Натянутая между деревьями верёвка пришлась им по вкусу. Видишь, мой простой план сработал... Интересно, хоть кому-нибудь сломало шею?

– Простой?! – заорал парнишка. – Да я чуть лёгкие не выплюнул, пока бежал до плота! И дважды чуть не обделался, пока нёсся по городу! Один раз, когда он меня чуть не нагнал, а второй, услышав голоса патрульных стражников на соседней улице.

– Но всё же обошлось, – рассмеялся ассасин. – Я расчистил тебе дорогу.

– Зато эти уроды стреляли по нам, – возмущённо топнул ногой Алан.

– Великая трагедия, – с сарказмом кинул Рэксволд. – Вопишь, как будто в тебя попали.

– Что-то я никак не пойму, – Джон всё ещё держал ладонь на рукояти меча. – Вы меня спасли или похитили?

– Расслабься и не вынуждай меня отрубать тебе руку, – холодно сказал ассасин. – С обеими кистями ты будешь полезнее. Но это мы обсудим в более спокойной обстановке, когда сойдём на берег. В любом случае для тебя завтрашний день уже бы не наступил, – он пожал плечами. – Ты порешил двух ублюдков из опаснейшей банды этих земель, «Бездушных», а у них даже в городе есть глаза и уши. Ты бы и до рассвета не дожил. За тобой уже следили. Потому, наверное, всё же спасли... А теперь не отвлекай меня. Мне нужно сосредоточиться.

Рэксволд вогнал кинжалы в ножны, опустил на корточки и устремил взор в темноту. Судя по висевшей на его поясе фляге и заткнутому за ремень короткому факелу, он, как и Алан, передвигался без поклажи – налегке. Или же им пришлось бросить её в связи с погоней? И вообще, на кой чёрт этой странной парочке рисковать жизнью ради него? Немые вопросы выливались в угнетающее недоверие...

Джон осторожно уселся с другого края плота, чтобы видеть сразу обоих спутников. Алан пододвинул котомку к её законному владельцу и прошептал:

– Не обращай внимания. Он всегда такой, когда вынужден обходиться без убийств, – паренёк немного потупил взгляд и добавил: – Тебе доводилось раньше сплавляться на плоту?

– Доводилось, – вздохнул Джон. – И на плоту... и на лодке... и даже на коне. Последнее мне как-то не понравилось.

Дремучий лес зловеще нависал над рекой, протягивая разлапистые узловатые ветви к лунному небу. Поднявшийся прохладный ветер временами доносил из чащи вой стаи волков. Тёмная вода медленно уносила плот в ночную мглу, навстречу неизвестности.

* * *

Стояла глубокая ночь, когда зашелестевший подмятыми камышами плот ударился о прибрежные камни. Взорам странников открылась поросшая кустарником прогалина, за которой чернел густой лес.

– Сходим здесь, – Рэксволд бросил шест и ступил на сырую землю. – Желаящий узнать, какой высоты водопад за следующим поворотом реки, может плыть дальше.

Все сошли на берег. Уставшим и замёрзшим путникам требовался привал. Алан сложил из камней кострище, быстро собрал хворост и разжёг огонь. После густого и сырого тумана обжигающее тепло танцующего пламени приятно согревало тело. Рассевшись вокруг костра, странники обменялись молчаливыми взглядами.

– Думаю, настало время ответить на твои вопросы, Джон, – ассасин откинул капюшон и снял маску.

Обладателем парных кинжалов, таких же острых, как и язык, оказался человек с приятными чертами лица и короткими тёмными волосами, взлохмаченными в художественном беспорядке. В каждом движении воина читался негласный вызов, подкреплённый хорошей физической подготовкой. По мнению следопыта, ему было лет тридцать, не больше.

– Как ты уже слышал, меня зовут Рэксволд, – ассасин посмотрел на парнишку. – А его Алан.

– Откуда вы знаете моё имя? – подозрительно прищурился Джон.

– Заявившись в город с головами разбойников, ты привлёк к себе внимание многих, в том числе и моё. Я наблюдал за тобой. Ты подходишь нам...

– Подхожу для чего? – в голосе прозвучало непонимание.

Рэксволд устало вздохнул:

– Мы держим путь в одно интересное место, сердце леса, так сказать... И, чтобы туда попасть, придётся пройти через земли друидов, будь они неладны. Для этого нам нужен человек, знающий их обычаи и способный ориентироваться в непроходимой глуши.

Забредавшим в чащобы разведчикам иногда встречался относительно миролюбивый лесной народ. Чтобы избежать с ним конфликтов и недопонимания, всех следопытов обучали основам их культуры и языка.

– Я видел на твоей ладони татуировку в виде медвежьего следа. Такие знаки отличия не раздают на каждом углу. А значит, ты не просто проходил службу следопытом в королевском легионе, но и совершил какой-то подвиг, – ассасин стянул чёрные перчатки и, положив их рядом, бросил на собеседника внимательный взгляд.

Ночную тишину нарушал лишь тихий треск костра. Джон снял заплечный мешок и достал из него припасы:

– Я последний выживший в битве под Серыми Болотами.

– Звучит многообещающе, – Рэксволд встретился глазами со следопытом. – Не расскажешь?

Джон откусил полоску вяленого мяса и подтолкнул котомку к собеседникам:

– Угощайтесь.

Алан вытащил лепёшку, жадно вгрызся в неё, продолжая следить за развитием разговора. Ассасин одобрительно кивнул и положил около сумки потёртую флягу:

– Бренди. Прямоком из Тихой Лагуны.

– Это случилось ещё во времена гражданской войны, – понуро заговорил Джон. – Попытка государственного переворота разожгла по всему королевству очаги восстания. Не

зная, во что верить, люди в край обезумели. Брат шёл на брата. Отцы предавали своих сыновей. А женщины рыдали у свежих могил. С такой бойней они множились как грибы после дождя... В один дождливый вечер мой разведывательный отряд подвергся нападению. Повстанцы устроили засаду в Ущелье Кардака. Не люблю это признавать, но нас застали врасплох. Схватка выдалась ожесточённой. Очевидное преимущество врага не оставляло нам никаких шансов. Мы заметно проредили их численность, но... потерпели поражение. Тогда я получил своё первое ранение и меня сочли мёртвым. Затаив дыхание, я не шевелился, пока не оказался в куче остывающих мертвецов. Их командир, довольный победой, что-то обсуждал со своим советником, медленно прогуливаясь по полю сражения. Совершенно случайно мне удалось подслушать некоторые планы противника: меньше чем через месяц замок Энсила должен был пасть. Они знали, что из-за смутного времени король рассредоточил войска по всей стране. Неожиданная осада могла перевернуть не только ход войны, но и истории в целом. Я должен был добраться до Энсила первым и предупредить королевский совет о надвигающейся угрозе. Самый короткий путь пролегал через болота, куда даже местные охотники боялись ходить. Истекая кровью, без еды и воды, я три дня продирался через колючие заросли и чёртову бесконечную топь. Иногда я ненадолго засыпал, и по пробуждению всё происходящее казалось мне страшным сном. Но когда я открывал глаза, то видел покрытое грязью и кровью тело. Ох как оно болело от колючего кустарника и укусов насекомых. А потом начинал ныть раненый бок... Так я и шёл... Шаг за шагом... Кочка за кочкой... Хромая, спотыкаясь и падая... Но каждый раз вставал и продолжал идти. Мой внешний вид напоминал чумного оборванца, в котором стражники Энсила не сразу признали изнеможённого солдата. Тем не менее я смог предотвратить неизбежное: осада не состоялась. Войска неприятеля были разбиты ещё на подходах к замку. После всего этого кошмара мне потребовалось время, чтобы вновь встать на ноги. В буквальном смысле. Когда проклятая война закончилась, я покинул легион и примкнул к «Гильдии воинов», но это уже совсем другая история...

Ассасин заплодировал отрывистыми хлопками:

– Кто же ты теперь? Следопыт? Воин? Странник?

Джон пожал плечами:

– Уже неважно. Я иду на восток к тихой и спокойной жизни. Хватит с меня сражений.

– Я знал, что не ошибся в тебе, – Рэксволд подкинул кусочек вяленого мяса вверх и поймал его ртом. – Но, думаю, прежде чем продолжить свой путь, ты не откажешь нам в помощи? Тем более, если я прав, на восток ты отправишься с карманами, набитыми золотом.

– Кого вы собираетесь ограбить? – насторожился Джон.

– Никого из ныне живущих, – голос Рэксволда стал заметно тише. – Слышал легенду о «Мрачном короле», непризнанном первом правителе этих земель?

– Не припомню такой, – следопыт вытянул ноги вперёд, поближе к костру.

– Ну тогда слушай... – ассасин подкинул несколько веток в огонь. – Давным-давно, когда земли королевства были пропитаны магией, а в лесах ещё встречался след единорога, Эльтароном правил богатый король. Он души не чаял в своей подрастающей дочери и не знал печали. Но однажды она сильно заболела. С каждым днём жизнь в её глазах медленно угасала. Лучшие знахари со всех частей света не могли вылечить странную хворь, и мудрый правитель обратился к колдунам. Заклятиям удалось лишь замедлить болезнь, но в девятнадцать лет зараза снова начала иссушать юную принцессу. Король горевал, не зная, чем помочь своему чаду. Одним тёмным вечером в замок пришёл старый чернокнижник. Он узрел на девушке родовое проклятие смерти. Пусть его нельзя было снять, старик мог поддерживать в ней жизнь отваром из крови магических созданий и пепла их сердец. Король издал указ, согласно которому за каждую пойманную магическую тварь можно было получить мешок золота или серебра. Первыми были истреблены единороги. Их доверие к людям сыграло с ними злую шутку. Затем феи, грифоны, василиски, виверны и многие другие. Последними пали драконы. Попытки дру-

идов защитить волшебных существ не увенчались успехом. Более того, друиды, как негодная помеха, сами часто становились жертвами охотников за чудовищами, чей промысел процветал на всех континентах. Через три года все и без того редкие магические создания канули в безвестность. У короля оставалось ещё немало несметных сокровищ, но даже они ничего не могли изменить. Через неделю принцесса умерла: заняла место в родовом склепе рядом с матерью. Король обезумел от горя и велел казнить всех ведьм и колдунов в стране. Когда голова старого чернокнижника упала на землю, поднялась страшная гроза и чёрные клубящиеся тучи затянули всё небо. После очередного раската грома замок стал проваливаться под землю. На следующее утро на его месте раскинулся гигантский непроходимый лес. Так закончилось правление Мрачного короля... – подвёл черту ассасин, вжившийся в роль великого рассказчика.

Раскатистый смех Джона эхом разнёсся по ночному лесу.

– Серьёзно?! Сказочные богатства несуществовавшего короля?! – выдавил из себя следопыт сквозь смех. – Пожалуйста, скажите, что вы шутите...

Рэксволд терпеливо ждал, пока Джон успокоится, затем что-то достал из кармана и молча кинул ему.

– Видел такое раньше? – отряхнув ладони, Алан протянул их к костру.

В руках следопыта оказалась неровная, потёртая монета с гербом Эльтарона. На обратной стороне красовалось хмурое лицо, непохожее ни на одного из девяти правивших королей.

– Хм, – Джон внимательно разглядывал блестящий кругляш. – Вроде, не подделка.

– У друидов, обитающих в южной части континента, есть поверье о священном лесе, растущем прямо из пропасти. Не находишь сходства, Джон? – ассасин подкинул в огонь ещё несколько веток. – Знаешь, я не верю в магию и чудовищ, но как ты объяснишь происхождение золота, что сейчас держишь в руках?

– Ваша взяла, – Джон хлопнул себя по колену и улыбнулся. – Восток может и подождать. Я проведу вас в этот лес, если он вообще существует. Но только, чтобы посмотреть на ваши лица, когда вы там ничего не найдёте. В конце концов, не могу же я лишать вас мечты, после того как вы спасли мою шкуру от головорезов.

Алан радостно захлопал в ладоши, потом встал и направился в сторону зарослей:

– Принесу ещё хвороста.

– С тобой-то всё понятно, но зачем ты тащишь с собой парнишку? – негромко спросил Джон, когда юнец пропал из виду.

– О-о-о, – протянул Рэксволд. – Ты зря недооцениваешь его. Под наивной простотой скрывается редкий дар: нет такого замка, который он не может открыть. Мне будет полезен его талант, когда я доберусь до сокровищницы. Не думаю, что она будет ждать меня с распростёртыми объятиями. Я вытащил юного воришку из одной передраги в Тихой Лагуне, и он решил помочь мне. Ты не думай, я никого ни к чему не принуждаю. Лишь даю вам шанс отправиться в увлекательное путешествие и, возможно, даже разбогатеть. Разве я не умею убеждать?

– Скорее заинтересовать... – Джон сделал глоток бренди и бросил флягу ассасину. – Я удивлюсь, если хоть что-то из этих легенд окажется правдой.

Спустя полчаса трое искателей приключений уже крепко спали у догорающего костра. Где-то на другом берегу реки ухал филин. Причудливые тучи медленно плыли по звёздному небу, изредка скрывая бледную луну.

Глава 3

В комнате царил полумрак. Тусклая свеча рисовала на стене дрожащие тени. За богатым резным столом, склонившись над потрёпанной картой, сидел седой мужчина со спутанными волосами и лохматой бородой. Застёгнутый коричневый камзол плотно обтягивал мускулистые лопатки, разделённые сбегавшей до поясницы впадиной, из-за чего широкая спина напоминала развёрнутую книгу – не каждый мог похвалиться таким телосложением в немолодые

годы. Почесав ухо о блестящий шип наплечника, бородач запустил пальцы в волосы на виске и провёл грязным ногтем по тонким крестообразным пометкам. В дверь скромно постучали, словно это был не человек, а качавшаяся на ветру ветка, ненароком задевшая стену бревенчатого дома.

– Войди! – грубым голосом с металлическим оттенком скомандовал мужчина.

Перед его взором предстал воин в пыльной кольчуге и с разбитым лицом.

– Вы привели его? – мрачным тоном палача спросил седовласый и зажёл вторую свечу.

– Он ушёл от нас по реке, Бальтазар, – ободранная рука несмело поправила висевший на плече лук.

– Это плохо... – бородач откинулся на спинку стула. – С твоего языка опять срываются слова, которые мои уши не хотят слышать. Помнишь, что я тебе говорил на этот счёт?

– Пощади... Дай мне ещё один шанс!

– Хм... Будь по-твоему, Льюис, – Бальтазар открыл ящик письменного стола и извлёк из него кинжал с волнистым лезвием. – С одной оговоркой. Я больше не услышу от тебя плохих новостей: ты отрежешь себе язык. И не заставляй меня долго ждать, – он кинул клинок на пол и перевернул маленькие песочные часы на столе.

Первые несколько секунд воин стоял в ошеломлении. Потом, подняв дрожащими руками кинжал, принялся за дело. Вытянутый пальцами язык постоянно выскальзывал и протестующе втягивался в рот. Рассекавшее плоть лезвие приносило мучительную боль. Сбивчиво дыша и время от времени постанывая, Льюис орудовал кинжалом. Однако, несмотря на стекавшие по подбородку струйки крови, ему хватило духу лишь немного надрезать язык.

– Время вышло! – рявкнул Бальтазар, когда верхняя колба песочных часов опустела.

Лучник припал на колени и, давась кровью, невнятно проговорил:

– Я не могу... Пощади...

Бальтазар поднялся из-за стола, привычно одёрнул камзол. На опоясывавшем его чёрном ремне висели небольшой молот и длинный остроугольный крюк. Последний напоминал боевой вариант гарпуна.

– Твой рот опять разочаровывает меня... – недобро изрёк седовласый, приближаясь к напуганному воину. – Встань с колен, червь! – он рывком поднял Льюиса за горло и прижал к стене.

– Я найду его, Бальтазар... Найду... – севшим от паники голосом прошептал стрелок.

– Льюис, Льюис... У последнего шанса есть одна особенность, – Бальтазар забрал клинок из ободранной руки и похлопал дрожавшего лучника ладонью по щеке: – Его нельзя получить дважды! – он резко вонзил кинжал тому в живот.

Воин заорал, и почти сразу мощный удар молота, что пришёлся по искривлённому болью рту, оборвал крик – по деревянному полу с шумом разлетелись осколки зубов. Нижняя челюсть лучника повисла вертикально, обнажив разорванные мышцы и заливая всё вокруг ручьями крови. В обрамлённом разбитыми губами багровом месиве извивался надрезанный язык, но вместо крика ужаса из недр глотки выходило лишь мерзкое бульканье. Стрелок упал, громко мыча и корчась в предсмертных муках. Бальтазар достал из кармана белый платок и, протирая им молот, крикнул в сторону двери:

– Грок!

В комнату вошёл северянин в броне из волчьих шкур и стальных вставок, что утопали в гладком сером меху. Тяжёлый взгляд Грока подчёркивали ярко выраженные надбровные дуги и татуировки в виде линий, искусно покрывавшие его лицо. Среди распущенных бурых волос варвара особо выделялась передняя прядь, заплетённая в небрежную косичку. Промёрзлые ветра Грондэнарка воспитали воинственный и бесстрашный народ. Даже в самые суровые времена, когда ломоть строганины считался невиданной роскошью, северяне не только сохра-

няли свою непреклонность, но и одерживали победы в кровавых сражениях. Отгремело немало войн, прежде чем другие государства признали мощь и независимость ледяного королевства.

– Твой собрат по оружию разочаровал меня. Ты же не повторишь ту же ошибку? – бородач кивнул в сторону своей жертвы. – Прикончи его.

Льюис стонал и медленно отползал в дальний угол комнаты, когда секира варвара вонзилась ему промеж лопаток – хрустнувший лук разлетелся на две части, а сгусток крови, вырвавшийся из подобия рта, забрызгал стену уродливой кляксой. Воин перестал шевелиться – лишь изредка подрагивали пальцы на руке.

Грок выдернул оружие из спины убитого и посмотрел на бородача.

– Возьми Конрада, Гинли, Индрикена и двух новеньких. Принесите мне голову того смельчака, – Бальтазар повесил молот обратно на пояс. – И заставьте его помучаться перед смертью.

– Считаю, что он уже труп, – негромко, с колючим акцентом изрёк Грок и направился к выходу.

* * *

Новый день постепенно вступал в свои владения. Яркие лучи света, падавшие сквозь кроны деревьев, пронзали лёгкую дымку, что ещё оставалась после утреннего тумана. Радостные птички трели разносились по всей округе, предвещая ясную солнечную погоду. Путники поднимались на крутой холм, поросший молодыми деревьями и кустарником. Тёплый ветерок легонько развеивал чёрные волосы Джона, когда он нарушил долгое молчание:

– «Бездушные»... Кто они?

– Серьёзно? – Рэксволд изумлённо посмотрел на следопыта и остановился. – Да ладно, не может быть! – сверлил невозмутимого мечника карий взгляд. – Ох... Кажется, он не шутит, Алан. Из каких же далёких краёв ты пришёл, раз не слышал о «Бездушных»?

– Из богами забытых далей, где я подыхал от жары, коченел в снегах, а одним днём чуть не сорвался в пропасть. Чужбина настолько же неприветлива, насколько удивительна, – усмехнулся Джон, на миг вспомнив своё путешествие.

Странствия увели следопыта далеко за Бескрайнее Море. Пять долгих лет его путь пролегал среди жарких песков Аль Херона, студёных равнин Грондэнарка и пронзавших небо гор Виверхэля. Повидав немало диковинных мест и странных культур, Джон принял твёрдое решение вернуться в Эльтарон. Через неделю он уже находился на торговом судне, бодро рассекавшем огромные волны. А спустя месяц, когда его нога ступила на берег лесного королевства, с радостью рухнул в объятия диких трав и наконец почувствовал себя дома.

– А чего вернулся? – поинтересовался Алан.

– Не знаю. Наверное, старый следопыт просто соскучился по родному шелесту лесов, – улыбнулся Джон.

– Только ветер, шелестящий листьями, уже совсем не тот... – Рэксволд покрутил головой, чтобы размять шею. – Теперь он разносит вонь зверей, что рыскают среди нас в человеческом облике.

– Ты о «Бездушных»? – следопыт поставил ногу на небольшой замшелый камень. – Да, такой жестокости я не видел со времён гражданской войны...

– О них самых, – ассасин презрительно сплюнул. – Никто не знает, откуда взялись эти выродки, но они очень быстро подмяли под себя весь преступный сброд и запустили свои когти в большинство торговых путей. Чтобы не было сомнений в серьёзности их намерений, они сожгли несколько поселений вместе с жителями. Те оказались слишком бедными, чтобы заплатить за свои жизни. Теперь практически все деревушки Западного Побережья обеспечивают себе безопасность звонкой монетой. Запуганные крестьяне предпочитают жить впроголодь и трястись от холода, нежели заживо гореть на кострах. И их можно понять: бороться – беспо-

лезно, уйти – некуда. Власти крупных городов пытаются изловить разбойников, но они, словно призраки, растворяются в дремучих лесах. Когда банда была ещё не так известна, в Энсиле публично казнили рекрута «Бездушных». Ответ не заставил себя долго ждать: уже на следующий день неизвестные отравили один из городских колодцев и повязали на его ворот серую ленту. Ядовитая водица выкосила немало народу. Узнав о столичном инциденте, король срочным указом утроил награды за их головы. Было много желающих пополнить карманы золотом, но на моей памяти ты первый, кто вернулся с головами подонков, а не потерял свою. С каждым годом эта проблема становится всё глобальнее.

– Не думал, что всё настолько серьёзно, – подивился рассказу следопыт.

– Серьёзнее, чем ты можешь себе представить. В Тихой Лагуне капитан стражи прилюдно назвал «Бездушных» помойными крысами. На следующую ночь он бесследно пропал, а по утра части его тела нашли развешенными на дереве напротив городских ворот. Местные до сих пор вспоминают перевязанный серой лентой отрезанный язык. Не думаю, что Люций Дорвертан долго протянет после своего выступления в Басторге. Королевство на пороге новой войны. Добро пожаловать домой, Джон! – радостно воскликнул ассасин и рассмеялся.

– Да уж...

Путники продолжили восхождение. В какой-то момент следопыту показалось, что он увидел маленькую птичку с белыми глазами на одной из ближайших веток. Только рассмотреть её не удалось: птица вспорхнула и затерялась в зелёной листве.

* * *

В просторном шатре правила бал сухая тишина. Клубящийся дымок, что поднимался струйкой от маленькой жаровни, наполнял помещение дурманящим запахом благовоний. Едва ощутимый сквознячок робко покачивал пучки свежих трав, развешенные по кругу под потолком. На взлохмаченной шкуре, закрыв глаза, сидела старая женщина. Её морщинистое лицо отражало полную безмятежность. В седые волосы, стекавшие с макушки серебристым водопадом, были вплетены зелёные ленты и разноцветные бусины. Ведунья не шевелилась – лишь слабое дыхание выдавало в ней искорку жизни. Вдруг она подняла веки и, глядя в пустоту белёсыми, мутными глазами, прошептала:

– Resondre natsaro kondrokula.

Женщина ударила в медный гонг – в шатёр вошёл юноша в набедренной повязке и с копьём в руке. Его голый торс покрывало множество точечных шрамов, образовывавших изображение огромного ветвистого дерева. Слепая открыла плетёную корзину, вынула оттуда резную деревянную фигурку спящей девы и указала на неё.

– Resondre natsaro kondrokula, – повторила она вновь.

* * *

Дощатый пол казармы вздрагивал от размеренного ровного стука, периодически прерываемого отрывистым шорохом – так звучали каблуки грубых сапог, сверкавших золочёными пряжками. Люций Дорвертан нервно расхаживал взад-вперёд, резко поворачиваясь на пятках. Напротив него с виноватым видом мялись трое стражников.

– Как?! – с негодованием воскликнул офицер. – Как вас троих смог одурачить и одолеть какой-то там... Как вы его назвали?..

– Ассасин, капитан. В чёрных доспехах, словно из бочки с дёгтем вылез, – понуро ответил усатый алебардист.

– Ассасины не оставляют своих жертв живыми, – Люций Дорвертан остановился и обвёл солдат напряжённым взглядом. – Но допустим, повторяю, допустим, что на вас напал ассасин...

– Это совершенно точно: я видел кинжалы на его поясе, – осмелился вставить аргумент арбалетчик.

– Только на поясе? – вкрадчиво спросил капитан. – И при этом на вас всех нет ни единого пореза... Чем же он вас атаковал?

Стражники безмолвствовали, понимая, что сейчас выяснится самая печальная часть этой истории.

– Отвечать! – громогласный крик Люция заставил солдат подпрыгнуть на месте.

– Голыми руками, капитан, – дозорный потупил взгляд: сунул его в щель между досками, будто хотел провалиться туда целиком.

Другие промолчали, не желая сознаваться, что ассасин издевательски сражался отобранным у них же оружием. Повисла неловкая пауза. Лицо офицера покраснело прямо на глазах.

– Голыми... руками? – тихий голос Люция задрожал от злости.

– Я предполагаю, это мог быть кто-то из «Бездушных», – добавил копейщик, норовя в более опасном свете выставить нападавшего.

– «Бездушный» бы развесил ваши кишки по всем деревьям, как гирлянды! – заорал Люций Дорвертан. – Это очевидно даже барану!

Капитану потребовалось время, чтобы прийти в себя. Он полминуты ходил по казарме, словно маятник, а после остановился и принялся рассуждать вслух:

– Итак. Некто, враждебно настроенный, побывал в городе и атаковал городскую стражу. И это после того, как я пообещал жителям безопасность! Уму непостижимо. Слава богам, сообщений об убийствах пока не поступало. Либо ваш «ассасин» так и не добрался до своей цели, либо он с кем-то здесь встречался. Но это не объясняет странного нападения...

– Возможно, мы его спугнули, капитан, – не подумав, ляпнул алебардист.

У Люция Дорвертана задёргался глаз. Он снова стал багроветь, после чего заорал:

– Спугнули?! Ассасина?! Тем что валялись в кустах, как дохлые хорьки?! Он вам все мозги отшиб, что ли?! Вам только ворон в поле пугать, да и с тем не справитесь. Я не знаю, каким чудом вы остались живы, но скоро сами будете молить меня о смерти. Дополнительные два часа тренировок каждый день на ближайшие полгода! Я лично буду проверять ваш уровень подготовки. А теперь убирайтесь с глаз моих долой!!!

Стражники, бочком обойдя капитана, быстрым шагом покинули казарму. Люций Дорвертан дрожащей рукой поправил перекинутый через плечо плащ и неспешно двинулся к выходу. Всем своим видом он вновь олицетворял спокойствие, и лишь небольшие красные пятна на лице выдавали его раздражение.

* * *

Лес становился всё гуще. За два часа заросли папоротника успели смениться колючим кустарником, и Джону приходилось прорубать дорогу мечом. В отличие от намотанного на руку плаща, висевший на спине щит неустанно цеплялся за шипастые ветви. И без того нелёгкое дело усложняли полчища комаров, слетевшихся со всей округи, чтобы закатить знатный пир. Если бы не помощь Алана, что взялся нести котомку с припасами, мечник бы уже разразился гневной бранью: некоторые, особо звучные, выражения уже давно крутились на языке.

– Проклятая колючка, – взмахнув клинком, проворчал следопыт. – Не думал, что когда-нибудь буду снова продираюсь через неё.

– В каждом королевстве своя погань, – идущий за ним Рэкволд пренебрежительно отодвинул кинжалом недорубленную ветку. – У нас, в Виверхэле, например, житья нет от жгучего наскального мха. Все горы в нём.

– Да уж. Помню, – следопыт рубанул очередной куст и отогнал назойливых насекомых от лица. – Я тогда не сразу понял, отчего мои руки опухли так, будто их в улей сунули. А когда понял, перчатки на них уже не налезали. Даже наручи пришлось снять. Два дня стоял на месте и лечился местными травами.

– Если бы вы хоть раз побывали в Ардонэйзии, то уже никогда не забыли бы серые двусторчатые цветочки, – присоединился к разговору плетущийся позади Алан. – Их называют «губами мертвеца». Они неприметны для глаз, но, чтобы их найти, глаза и не нужны. Губы мертвеца источают запах сродни дохлой крысе. И на вкус та ещё мерзость.

Джон обернулся, и они с Рэксволдом переглянулись.

– А зачем ты тогда их жрал? – озвучил общий вопрос ассасин, попутно отгоняя пикирующих насекомых.

– Меня накормила ими тамошняя детвора... после того как избивала палками, – с неохотой добавил юнец.

– Чем же ты их так разозлил? – следопыт со вздохом одёрнул щит, который снова за что-то зацепился.

– Они не оценили мой фокус с исчезающей монеткой, – Алан поймал на себе любопытные взгляды. – Это были сложные времена для одинокого сироты. Я выживал как мог, – он заложил пальцы за лямки котомки и улыбнулся.

– Монету хоть не отдал? – Рэксволд прихлопнул впившегося в руку комара.

– Нет, конечно, – возмутился воришка.

– Видишь, как здорово. Не только бесплатно поел, но и денег заработал, – ассасин изобразил на лице наигранное уважение, а Алан в ответ состроил ему передразнивающую гримасу.

Джон взмахнул мечом, и ещё одна большая колючая ветка упала на землю. Его взору открылась небольшая поляна.

– Привал? – следопыт положил клинок на плечо.

– Хорошо бы, – Алан упёрся руками в колени. – Целый день лес топчем.

– Надеюсь, хоть правильно идём. Тут легко заблудиться, – Рэксволд посмотрел на юнца. – Потому есть все шансы, что свои шестнадцать лет ты встретишь здесь обглоданным скелетом.

– Не пугай парня. Солнце по правую руку. Значит, двигаемся в верном направлении.

Ассасин рассмеялся и, перепрыгнув через небольшой ручеёк, вышел на поляну.

* * *

Привал пришёлся кстати. Яркое солнце помогло подсушить одежду и доспехи, промокшие от росистой травы и влажных веток. Даже в жару болотистая местность пребывала в абсолютной власти сырости. Чтобы хоть как-то распугать комаров, путники разожгли костёр, кинув в него громадную охапку листьев. Дымовая завеса немного разогнала летучих кровососов, и странники приступили к обеду.

– Так чем ты занимался раньше? До того, как решил гоняться за мифическими сокровищами? – Джон наколот вяленое мясо на палку и поднёс к костру.

– Убивал людей... Плохих людей... – прожевав лепёшку, Рэксволд добавил: – Не задаром, конечно. Моё имя хорошо известно от Виверхэля до Грозных Островов. Но именно в морском королевстве произошли события, заставившие меня свернуть с этой дороги.

Ассасин снял с пояса флягу. Сделав несколько жадных глотков, он жестом предложил выпить спутникам, но те отрицательно помотали головами.

– Не томи. Рассказывай, – следопыт продолжал коптить мясо.

– Тогда начну с самого начала... Ты удивишься, но я родился и вырос в Эльтароне. Мне показалось странным, что ты никогда не слышал легенду о «Мрачном короле». Её часто рассказывали маленьким негодникам, добавляя, что неупокоенная душа короля уносит и пожирает непослушных детей, – ассасин еле сдержал смех. – Сейчас это кажется нелепым, но раньше здорово пугало, даруя матери хоть какой-то контроль над моим непокорным нравом. Видать, твоим родителям повезло больше, и ты рос паинькой.

– Почти угадал, – кивнул Джон, осторожно откусывая горячее мясо с палки. – Не то чтобы я не хотел быть сорванцом, но строгий отец не давал мне спуску. Моё детство прошло

под его чутким надзором и тяжёлой рукой. Зато... он воспитал меня мужчиной, для которого слова «честь» и «отвага» далеко не пустой звук. Сейчас я ему за это даже благодарен. Как и матери, поддерживавшей меня в сложное время, когда отца не стало.

Рэксволд понимающе кивнул и отхлебнул из фляги:

– Отца я никогда не видел. Меня воспитывала мать. До девяти лет. Пока не умерла. И я остался один. Совсем один. Всё, что я хорошо умел, – это драться. Попрошайничать или драпать со сворованным... не моё это было. Но голодная смерть постепенно наступала на пятки. За объедки и крышу над головой я выступал на запрещённых детских боях, где мерзкие толстосумы делали ставки на сломанные жизни. Под звон монет я искалечил достаточно соперников, чтобы обо мне пошла первая молва. Не помню и дня, когда кулаки не были бы разбиты. Чувство голода и ненависть ко всему окружающему миру стали постоянными спутниками моей жизни.

– Зверство людей порой не знает границ, – следопыт покачал головой. – Как ты выбрался из этого ада?

– Всё решил случай, – ассасин опустил голову. – К десяти годам я уже имел славу чемпиона и прозвище Змеёныш за скорость ударов и ловкие движения на арене. Весь в шрамах и синяках, но гордый собой, я продолжал отчаянно биться за право на существование. Тогда-то меня и заметил коренастый смуглый пират, непонятно каким ветром занесённый в те края. Из жалости или на потеху команде, он предложил буйному мальцу место на корабле, через три дня отправлявшемся бороздить морские просторы. Понятие дружбы мне было чуждо. Я в принципе не доверял людям, не ждал от них ничего хорошего. Только тогда вдруг взял и согласился. Почему? Чёрт его разберёт. Наверное, устал от однообразия. И, знаете, ни о чём не жалею, – он улыбнулся. – Свежий ветер, крики чаек, скрипы мачт... После грязной бойцовой ямы о большем я не мог и мечтать. Даже корабельные обязанности были не в тягость. В моей жизни наступила светлая полоса с отголосками надежды. Я чувствовал себя нужным, я чувствовал себя живым...

Рэксволд сделал небольшую паузу, допивая остатки бренди.

– Что же было дальше? – нетерпеливо спросил юнец, почёсывая искусанную комарами шею.

– Шло время. Восемь лет плавания по Бескрайнему Морю не прошли зазря. Я не глядя вязал морские узлы, предсказывал шторм по поведению чаек и, конечно же, научился обращаться с холодным оружием. Бывалые матросы использовали сабли, но мне они казались неудобными и слишком длинными. Руки хотели чего-то более лёгкого и манёвренного. Так я открыл для себя кинжалы, оттачивая мастерство в тренировочных пиратских боях. Со временем мне дали добро на участие в абордажах. Мы никого не убивали. Только грабили. Наш устрашающий чёрный флаг заставлял мелкие одиночные суда сдаваться без боя. Серьёзных морских противников и военные эскадры мы обходили стороной. Жизнь была ключом, и в кои-то веки я ни в чём не нуждался. Но всё хорошее рано или поздно заканчивается. В одну злополучную ночь море не на шутку разыгралось и наш корабль налетел на рифы. Не зная, выжил ли кто-нибудь ещё, я очнулся на каменистом берегу, неприветливо встретившем меня жгучим мхом.

– Знакомые места, – признал горное королевство Джон.

– Виверхэль, – кивнул ассасин. – Там и начался новый виток жизни, но со старыми, хорошо знакомыми правилами: зарабатывать себе на хлеб тем, что хорошо умел. Как и любой моряк, я знал, где всегда гремел бардак и требовалась крепкая рука – ноги сами понесли меня на поиски трактиров, коих в ближайшем городе было предостаточно. Уже к вечеру я значился вышибалой в «Бешеном волке». Работа пришлась мне по душе: что могло быть проще, чем бить морды и выкидывать пьяных дебоширов на улицу? В общем, серые будни маленького прибрежного городишки. Но один день мне запомнился чертовски хорошо. Мы уже закрыва-

лись, когда в помещение ворвался пират с клинком наперевес. Он хотел разжиться суточным заработком трактира и явно не собирался отступить. Я попробовал решить проблему мирно, но грабитель даже не стал меня слушать. Завязалась драка. Пробил час, когда упорные тренировки наконец пригодились. Мой кинжал угодил ему прямо в сердце. Пират осел и выронил саблю. Я до сих пор помню его крик и застывший в глазах ужас. Когда впервые отнимаешь жизнь у человека, это сложно забыть.

На лице Рэксволда промелькнула едва заметная печаль перед тем, как он продолжил свою историю:

– Со временем жизнь обычного вышибалы мне наскучила. Хотелось уверенно стоять на ногах и видеть перспективы, а ежедневная однообразная со скромным жалованием этому не способствовала. Однажды, соблазнившись наградами за бошки местных разбойников, я, и сам того не ведая, ступил на тернистый и опасный путь ассасина. Поначалу был просто охотником за головами. Действовал тихо и скрытно: надеяться на помощь не приходилось, а бандиты редко ходили по одному. Но это не помешало мне вырезать всех ублюдков в округе. Работа закончилась, и я двинулся дальше. Путешествуя по побережьям горного королевства и истребляя разбойников, я заслужил репутацию неплохого убийцы. Вместе с ней пришли и первые заказы на особо опасных преступников. Большинство из них кочевало по континенту, и я не раз покидал Виверхэль – оплата того стоила, да и странствия помогали сменить обстановку. А за одним подонком – капитаном пиратского судна «Чумная лилия», за которым тянулся след из мёртвых торговцев и потопленных кораблей аж от песков Аль Херона, даже пришлось отправиться на далёкие острова. Когда его песенка была спета, в каюте на столе я обнаружил свиток на неизвестном языке и, не знаю зачем, захватил его с собой. Все, кто имел хоть какую-то власть на Грозных Островах, очень хотели прибрать эту вещицу к рукам. Меня дважды пытались убить местные пираты. Я не понимал шумихи вокруг странного клочка бумаги, пока не вернулся в Виверхэль и не нашёл того, кто смог перевести часть иероглифов. Свиток вещал о первом короле Эльтарона... И им оказался вовсе не Ульффрик де Монте. Корни истории лесного королевства уходили намного глубже. Я долго искал любые доказательства написанного, но всё было тщетно. Судьба просто смеялась надо мной. Потеряв надежду и почти что сходя с ума, я в отчаянии спалил рукопись и решил снова вернуться к наёмным убийствам. Оставалось лишь пополнить припасы перед долгой дорогой. Именно тогда у старого лавочника я увидел интересную монету, затесавшуюся среди остальных. Чем дольше я смотрел на неё, тем больше понимал: паскудная судьба играет со мной в какую-то извращённую игру. И я принял её вызов. Мой интерес вспыхнул с новой силой. Спустя неделю я вернулся на родину, чтобы лучше изучить легенды и предания Эльтарона, лишь подтвердившие мои догадки. Ну а финал истории ты уже и так знаешь.

– Вот это да, – медленно и тоскливо протянул Алан. – А я-то думал, у меня жизнь тяжкая.

– Надеюсь, ты найдёшь свои сокровища, – грустно сказал Джон. – Это твой шанс начать всё сначала, перестать проливать кровь.

– Ты думаешь, я могу измениться? – ассасин внимательно посмотрел на следопыта. – Я палач, годами вырезавший жалкие душонки из самых ничтожных и прогнивших людей. В погоне за известностью и золотом, я делаю мир лучше, но сам лучше стать уже не смогу. Слишком поздно...

Джон посмотрел в его карие глаза. Похоже, Рэксволд ни на толику не сомневался, что тень мальчугана, дерущегося за жизнь, давно растворилась в холодных лучах славы убийцы. Но всё же... он пытался сохранить свой моральный облик.

– А что, если ты заблуждаешься? – предположил следопыт. – Что, если судьбой для тебя уготована иная участь?

– Не думаю, – с едва уловимым оттенком печали ответил ассасин. – Для вас же богатства станут ключом к новой жизни. Независимо от их количества, никто не останется в обиде.

Мы всё поделим поровну. Когда растёшь в бедности и одиночестве, начинаешь больше ценить в людях добро, чем содержимое их кошельков. Это более редкая валюта. Поверьте, я видел достаточно, чтобы принять сказанное за истину, – он лениво встал, потянулся и двинулся в сторону леса. – Доедайте. Гляну пока, что там впереди.

Услышанное натолкнуло Джона на мысль, что ассасин затеял путешествие вовсе не ради сокровищ. Он бежал от самого себя.

* * *

Нищие – призраки любого большого города. Невзрачные тени, наблюдающие из закоулков за людьми, что их даже не замечают, а если и видят, то обходят стороной, словно прокажённых. И Басторг не был исключением... Близился вечер, когда у его главных ворот появился босоногий бродяга: замызганная рваная одежда, падавшие на плечи грязные волосы и огромное родимое пятно, что коричневело на правой стороне лица. Такого уродливого оборванца средь не пустили бы в город, но ветхий пропуск местного жителя, оставшийся со времён лучшей жизни, делал его частью общества, поблёкшим кусочком яркой мозаики.

Опираясь на клюку, нищий проковылял через арку и остановился перед переполненной людьми площадью: приезд новых торговцев подлил масла в огонь ярмарочных страстей, а тёплая погода выманила из домов даже самых ленивых лежебок.

– Меченый вернулся! – подлетевшая толпа шумной ребятни принялась скакать вокруг бродяги. – Меченый! Меченый! – показывая языки, дразнились дети.

– Брысь! – оборванец стукнул клюкой о мостовую, и детвора с заливистым смехом разбежалась.

Нищий обошёл ярмарку по краю, нырнул в малолюдный переулок. Прошкандыбав мимо кузницы и лавки пряностей, он остановился у продуктового склада, чтобы порыться в выставленных у стены отбросах. Большой треснувший ящик с горой мягких овощей источал кислотоватый запах. Разогнав мух, бродяга перекопал подгнившую картошку и нашёл под ней раздавленный помидор. После застарелых сухарей и рыбной требухи, что ему довелось раздобыть с утра, томат можно было причислить к разряду вкусного обеда, пусть и весьма скромного. Полакомившись находкой и вытерев руки о штаны, оборванец похромал дальше.

Улица заканчивалась закутком с каменным колодцем – одним из девяти, расположенных в городе. Однако, в отличие от других, этот колодец пользовался меньшей популярностью: узкая тупиковая улица создавала массу неудобств владельцам телег, да и близость трущоб часто собирала вокруг него всякий сброд. Поэтому сюда ходили лишь жители окрестных домов и труженики заведений, что располагались неподалёку.

Нищий дошёл до конца улицы. Как он и предполагал, у колодца никого не было. Остатки воды из стоявшего на бортике ведра приятной прохладой прокатились по горлу. Можно было приступить к задуманному. Поозиравшись по сторонам, бродяга сунул руку за пазуху, но тут же отдернул её, моментально среагировав на скрип открывшейся за спиной двери. Из соседнего дома вышла краснощёкая, пышная женщина в жёлтом платье и с парой вёдер в руках.

– Нашла время выползти, – оглянувшись, пробухтел оборванец.

Он сместил на изуродованную половину лица свисавшие сосульками волосы, подпёр плечом ближайшую стену и поднял непринуждённый взор к порозовевшему небу. Подойдя к колодцу, горожанка сбросила в его недра стоявшее на краю ведро, которое отозвалось из тёмной глубины эхоподобным всплеском. Слыша, как быстро наматывается на ворот натянутая цепь, нищий скосил глаза на женщину. Круглолицая особа крутила железную ручку без единого усилия да с такой скоростью, что вся подъёмная конструкция ходила ходуном. «Такая, наверное, могла бы и быка голыми руками задушить, если бы тот ей чем не угодил», – подумалось бродяге. И он был недалёк от истины: Брунгильда, жена мясника, таскавшая и разделывавшая туши наравне с мужем, на недостаток силы не жаловалась.

Совершенно неожиданно она бросила встречный взгляд, и оборванец спешно отвёл взор к вечернему небу. Басторг, как и любой большой город, был многолик: не все соседи знали друг друга, не говоря уже о никому не нужных нищих, среди которых каждый второй страдал хромотой или притворялся колченогим для выманивания денег у сердобольных прохожих. Однако проклятая отметина на лице делала внешность бродяги слишком запоминаемой, и он надеялся, что надёжно спрятал её под волосами. От волнения державшая клюку ладонь вспотела – Меченый переложил палку в другую руку. Он уже устал пялиться на сиреневое небо и не мог дожидаться, когда горожанка уберётся восвояси. Услышав наконец удаляющиеся шаги, оборванец уронил взгляд на спину несущей вёдра женщины. Мешкать было некогда: в любой момент на улице могла нарисоваться ещё одна нежеланная персона, а в предзакатный час стража уже плотно закрывала все колодцы. Нищий приблизился к зиявшей чёрной дыре и достал из-за пазухи холщовый свёрток. Он извлёк из него травы, когда резко упавшая на плечо рука развернула его внезапным рывком. Перед ним стояла всё та же горожанка.

– Ты чего это удумал? – подозрительно спросила она, видя, как бродяга прячет руки за спину. – Что там у тебя? А ну, показывай! – строгий взор Брунгильды буквально сверлил его насквозь.

– Это-то? – оборванец достал из-за спины пучок длинных остроугольных листьев. – Хохотайка обыкновенная. Решил вот народ порадовать. Не серчай, красавица, я же не со зла...

Нечистые на руку владельцы таверн иногда использовали дурман-траву для увеселения своих посетителей, чтобы буйные завсегдагаи больше смеялись, чем дрались друг с другом, разнося всё вокруг. Добавленный в алкоголь, настой гарантировал хорошее настроение на два-три часа. По окончании эффект эйфории нередко вызывал сильную усталость, что тоже было на руку хозяевам: опустошив карманы, выпивохи сами брели домой, освобождая места для новых клиентов. Но облегчать себе жизнь могли далеко не все питейные заведения, считавшие приемлемым этот способ избегать погромов: пучок хохотайки стоил увесистую пригоршню серебра. Природа тоже ценила отменный юмор. Внешнее сходство растения с дешёвой моровой травой, служившей прекрасным средством для травли крыс, доставляло немало проблем начинающим травникам.

Женщина упёрла руки в бока:

– Ты думаешь, я не смогу отличить хохотайку от моровой травы, скотина? Отравить тут всех решил, разбойничья рожа?!

Непрерывно глядя ей в глаза, бродяга осторожно сдвинул большим пальцем верхушку клюки, обнажив сантиметр лезвия. Однако, заметив боковым зрением идущего неподалёку прохожего, бесшумно опустил ножны, позволив скрытому клинку и дальше покоиться в древесине.

– Что?! И сказать нечего?! – Брунгильда съездила ему кулаком по морде и закричала: – Стража! Разбойник! Отравитель!!!

Нищий хотел убежать, но вцепившаяся в лохмотья бой-баба стала отвешивать ему звонкие оплеухи:

– Я тебе сейчас устрою хохотайку, я тебе покажу красавицу, сучий ты потрох!

Подоспевшая стража застала лежавшего калачиком оборванца, над которым с закатанными рукавами стояла женщина.

– Вот, полюбуйтесь, – она указала на рассыпанную по брусчатке траву. – Хотел яда в колодец сыпануть. Я этого дуролома быстро просекла: глазки бегают, ножки подгибаются, того и гляди, пакость какую сотворит.

– Я ж не знал, что она ядовитая! – негодуя, завопил бродяга. – Человек у города предложил мне золотой за то, чтобы я подбросил веселящей травы в колодец. Он сказал, это лишь безобидная шутка.

– Капитан разберётся, – стражник поднял нищего за шиворот. – Если выяснится, что ты лжёшь, тебя повесят. А если и взаправду такой дурень, лишь высекут плетьюми.

Грязный мужичок демонстративно захромал, всем своим видом показывая, что не может стоять без клюки, и солдат разрешил ему поднять её. Второй страж, аккуратно собрав траву, посмотрел на женщину:

– Благодарю за бдительность и равнодушие. Зайди через час к Люцию Дорвертану. Расскажешь всё поподробнее. Ну и, скорее всего, получишь какое-то вознаграждение.

Горожанка кивнула и побрела в сторону стоявших неподалёку вёдер.

– Шевелись, – сказал первый стражник, толкая бродягу в спину. – Время шуток прошло.

* * *

На макушках деревьев алел безоблачный вечер. Верхушки крон ещё купались в остатках дневного тепла, но в глубине, под толщей листьев, уже давно веяло ночной прохладой. В потемневшем лесу пахло гнилыми растениями. Отчасти от того, что путники второй час подряд топтали обширное болото, так и норотившее утащить кого-нибудь под чавкающую сплавину. Едва они оставили его за спиной и порадовались твёрдой земле, как где-то поблизости раздался протяжный вой.

– Только волков нам и не хватало, – Рэксволд положил ладони на рукояти кинжалов.

– Это не волчий вой... – подняв руку, Джон изобразил странный знак: четыре пальца были согнуты, а кончик большого прилегал к краю ладони. – Друиды, – пояснил мечник. – «Медвежья лапа» всегда обозначала следопытов. Мы им не враги.

– Коли они ещё это помнят... – пробурчал ассасин.

– Если бы не помнили, мы бы уже увидели предупреждающую стрелу, – Джон продолжал держать руку поднятой. – Они не очень любят чужаков.

– Меня мало интересуют их предпочтения, – раздражённо бросил Рэксволд. – Пусть они и считают эти земли своими, но по факту они принадлежат королевству.

Некоторые летописцы утверждали, что друиды не всегда были отшельническими племенами и несколько веков назад жили бок о бок с людьми. Поговаривали, что они ушли в глухие леса только после исчезновения магии, хранителями которой когда-то являлись. Но за всё время никто из ныне живущих великих умов так и не смог найти следы существования магических чар. Все прорицатели и колдуны в итоге оказывались скользкими пройдохами или искусными фокусниками. Поэтому само понятие «магия» уже давно не воспринималось всерьёз – историков, поддерживавших эту теорию, с каждым десятилетием становилось всё меньше. Для большинства людей друиды были лишь обитавшими в глубинах леса дикарями.

К путникам из зарослей вышла маленькая девочка в светлом льняном сарафанчике и тонких верёвочных сандалиях. Заплетённые в две косички волосы украшал венец из болотного ириса. Она что-то несла в ладонях и широко улыбалась. Джон опустил руку.

– Серьёзно?! – воскликнул Рэксволд. – Они послали к нам ребёнка?

– Она вестник мира, – коротко объяснил следопыт. – И ты сильно ошибаешься, если думаешь, что они не позаботились о её безопасности.

Девочка приблизилась и бросила под ноги путникам пригоршню пыльной земли.

– Они приветствуют нас на своей земле, – перевёл её жест Джон.

– А я только сапоги почистил, – проворчал ассасин, смотря на свои ноги.

– Что с тобой не так? – шепнул Алан. – Здорово же. Никогда раньше не видел друидов.

– К чёрту их, – наёмный убийца строго взглянул на парнишку. – Я научился ценить свободу выбора... и мне очень не нравятся навязанные знакомства.

Девочка медленно обошла странников и остановилась напротив Рэксволда, стоявшего с видом того, кто делает одолжение всему миру. Внимательно рассмотрев его чёрную броню, она

перевела взор на ножны и с осторожностью молодой косули, которой интересен мир, потянулась к навершию кинжала с гравировкой змеи.

– Убери её от меня, Джон, – ассасин накрыл рукоять ладонью, спрятав рисунок от любопытных глаз. – Я не люблю, когда трогают моё оружие. Это выводит меня из себя.

Следопыт улыбнулся и уже собрался попросить её на друидском наречии не стеснять воина, как девочка, ещё раз окинув всех взглядом, убежала, скрывшись в зарослях. Оттуда же послышались шорохи и к путникам вышла старая женщина в одеянии цвета земли с накинутым на плечи зелёным платком.

– Какое чудное перевоплощение, – съязвил ассасин.

– Ну всё понятно, – Алан покосился на убийцу. – Бренди закончился. Теперь будет ворчать без передыху.

– При чём тут бренди? Уже и возмутиться нельзя? – Рэксволд развёл руками. – Ночь не за горами, а эти чащобные дикари нас задерживают. Я вообще очень надеялся, что мы их не встретим.

– Поменьше ненужных движений руками, – Джон посмотрел на ассасина. – Ведунья может тебя неправильно понять.

Женщина стала неспешно обходить путников, разглядывая их с ног до головы. Каждый её шаг сопровождался тихим постукиванием ударявшихся друг о друга разноцветных бусин, что покрывали крапчатым узором седину распущенных волос.

– Боги, теперь эта будет глаза тарашить, – убийца приложил ладонь к лицу и покачал головой.

– По-моему, она слепая, – негромко сказал Алан.

– О-о-о. Это воодушевляет. Сейчас она будет нас щупать до утра, – Рэксволд поймал на себе укоряющий взгляд следопыта и замолчал.

Ведунья остановилась напротив Джона и величаво произнесла:

– Resondre natsaro kondrokula.

– Что она говорит? – спросил Алан.

– Пророчеству суждено сбыться, – перевёл фразу следопыт.

– Resondre natsaro kondrokula, – повторила женщина и протянула Джону деревянную фигурку.

– Я не понимаю, – произнёс тот на друидском наречии.

Она ничего не ответила, продолжая держать на вытянутой руке резную фигурку девы. Следопыт с уважительным кивком принял дар и тут же упал без сознания.

* * *

– Нет... Не умирай... Не смей! Слышишь?!!

Джон открыл глаза. Голос принадлежал прекрасной девушке с заплаканным лицом, которая склонилась над ним, глядя его щёку. Её длинные каштановые волосы трепал ветер, а за ними угрюмо проглядывало пасмурное небо. Судя по всему, голова следопыта лежала у неё на коленях. Он хотел пошевелиться, но ощутил полное бессилие – язык и тот безропотным камнем лежал во рту.

– Прошу, не оставляй меня, – тихо сказала незнакомка, заключая воина в объятия. – Ты всё, что у меня есть...

От груди по телу разливалась тупая боль. Если бы он мог привстать и посмотреть, то без сомнения увидел бы там ужасное ранение. Джон с трудом перевёл взгляд в сторону. Сквозь морозящий дождь вдалеке проступала затянувшая весь горизонт чёрная полоса. Ветер усиливался, и мгла стремительно приближалась, жадно пожирая серое небо. Следопыту никогда раньше не доводилось видеть такой странной бури. Внезапная вспышка молнии осветила небо, и над ними закрубились тёмные гроззовые облака. Сквозь шум дождя и свист ветра он отчёт-

ливо слышал плач девушки, но ничем не мог её утешить. Звуки постепенно становились тише. Ещё одна молния озарила в небесах силуэт, сильно напомилавший парящего дракона. Джон сделал последний вдох, и пелена мрака окутала его глаза.

* * *

– Ты что натворила, старая карга? – кинжал Рэксволда застыл у шеи ведуньи.

Сохраняя полную невозмутимость, женщина смотрела на ассасина белыми глазами. Он хотел указать ей на следопыта, но потом понял, что она всё равно ничего не увидит. Откуда-то из леса вылетела стрела и вонзилась у ног убийцы.

– Кажется, это предупреждение, – испуганно пролепетал Алан.

– Лучше не злите меня, – громко сказал Рэксволд, встав от своей заложницы с другой стороны, чтобы использовать её как живой щит.

Ведунья не шевелилась, чувствуя у горла холодную сталь. Рядом с ассасином воткнулась ещё одна стрела, на этот раз ближе. Стало очевидно, что скрывавшиеся в кустах лучники взяли их в кольцо.

– Они повсюду! – Алан лёг на живот, обхватив голову руками.

– Я сейчас доберусь до вас, кустарные бойцы, и посмотрю, чего вы стоите вблизи! – крикнул Рэксволд зарослям вокруг.

Он озирался в ожидании очередной стрелы, но ничего не происходило. Вдруг ассасин увидел сбоку длинную тень, что тянулась... из-за спины. Тело опередило сознание. Подобное броску кобры движение кисти. Перехваченное копьё. Рывок. У ног растянулся юноша в набедренной повязке, который был вмиг поднят за волосы и поставлен на колени. Один из кинжалов упёрся ему в горло, второй же снова занял место у шеи ведуньи.

– Ну?! Ваш ход! Ещё одна стрела, и я перережу им глотки! – крикнул разозлённый Рэксволд.

– Что ты делаешь?.. – пробормотал Джон, постепенно приходя в сознание и поднимаясь с земли. – Опустит оружие.

Недовольно хмыкнув, ассасин вогнал кинжалы в ножны:

– Вы даже не представляете, как вам повезло...

– Фу-у-х, – выдохнул Алан. – А я уже с жизнью успел распрощаться. Хорошо, что ты очнулся, – он встал и не глядя отряхнул пыльные штаны.

– Что это за голодранец? – Рэксволд кивнул на поднимавшегося с колен полуголового юношу. – Ему одежды не хватило?

– Трёхнедельный ритуал посвящения в охотники, когда мальчик становится мужчиной, доказывая силу своего духа, – следопыт посмотрел на друида, коснулся двумя пальцами лба и опустил сжатый кулак к груди – жест миролюбия, призывающий забыть старые обиды.

Молодой охотник ответил аналогичным движением и перевернул копьё остриём вниз. Женщина указала пальцем на Джона, промолвив на друидском наречии:

– Отныне ты узрел.

Ассасин вопросительно посмотрел на своего переводчика.

– Теперь я видел, – ответил ему следопыт. – Но я не совсем понимаю, что она имеет в виду.

Ведунья сделала несколько шагов в сторону леса, однако вдруг развернулась:

– Ты знаешь, что твой друг настолько же глуп, насколько искусен?

– Переведи, – потребовал Рэксволд, заметив улыбку на лице женщины. – Я хочу знать, что её так веселит.

– Говорит: они не хотели ничего плохого и восхищены твоей смелостью, – соврал Джон, ощущая тот самый миг, когда правда может привести к кровопролитию.

– Передай им, чтобы впредь не играли со смертью, – убийца бросил на друидов хмурый взгляд.

– Мой друг приносит извинения за своё невежество, – произнёс следопыт на друидском наречии.

Ведунья с юношей одобрительно закивали, и Рэксволд немного смягчил взор. Спустя полминуты друиды растворились в зарослях – путники снова остались одни.

– Может поведаешь, что случилось? – ассасин вперил взгляд в Джона. – Ты чего рухнул как подкошенный?

– По дороге расскажу... – тот загадочно смотрел на деревянную фигурку. – Скоро стемнеет. Нужно найти место для ночлега.

Тихий вечер неторопливо вытеснялся шёпотом крадущейся ночи. До заката оставалось ещё полчаса, но многочисленные лесные тени уже сливались в густую непроглядную тьму. Уставшие странники остановились под небольшим утёсом, что одиноко возвышался на поросшем бурьяном пригорке. Ночь обещала быть холодной.

* * *

Во мраке сумерек группа хорошо сложенных воинов стояла у давно остывшего кострища, вокруг которого ещё различались места ночлега нескольких путников. Мускулистый варвар с татуировками на лице опустил на колено и зачерпнул пепел обветренной ладонью:

– Они опережают нас на день.

Роняя древесный прах сквозь пальцы, он задумчиво посмотрел в сторону реки: из камышей предательски торчал угол спрятанного плота. Грок встал, неторопливо прошёлся вдоль опушки. Внимательный взгляд северянина зацепился за сломанную ветку:

– Бегите... Прячьтесь... Это вас не спасёт...

Немного погодя разбойники скрылись в лесной гуще, оставив после себя лишь запятнанный следами сырой берег.

Глава 4

Первые лучи рассвета осветили вершину утёса, разогнав последние остатки холодной ночи. Знал бы Алан, что в траве затаилось обилие острых камней, соорудил бы подстилку из елового лапника. В отличие от носивших броню спутников, наутро он отлично почувствовал последствия такого сна: новые синяки великолепно дополняли вчерашние царапины от колючих кустов.

Охотники за сокровищами ушедшей эпохи слегка перекусили и снова двинулись в путь.

– Так мне это не приснилось? – зевая, спросил Рэксволд. – Не верящий в сказки Джон вчера рассказывал про своё видение?

– Видение или же сон, всё происходило будто наяву. Даже после того, как я очухался, в груди ещё ощущалась слабая боль.

– Магия друидов... – ассасин нарочно придал голосу жутковатый оттенок, а после добавил совершенно обычным тоном: – Да головой ты при падении приложился. Вот и все дела.

– Может, ты и прав... – Джон посмотрел на солнце, выверяя нужное направление.

– Долго нам ещё до этого священного леса? – потянулся Рэксволд.

– Не думаю. Если ориентиры из рассказанных тобой преданий верны, то после утёса двигаемся на запад, пока не упрёмся в пропасть. Но что-то мне подсказывает: мы просто будем блуждать неделю, пока не дойдём до южного берега королевства.

– Тогда постарайся больше не падать без сознания при виде всякой ерунды, – окажись ядовитая усмешка ассасина кислотой – смогла бы прожигать железо.

– Будешь мне теперь всю дорогу это припоминать? – нахмурился Джон.

– Нет, если объяснишь, как солдат, прошедший самую бойню гражданской войны, мог упасть в обморок при виде друидской игрушки, – убийца наклонил голову набок. – Кстати, где она? Дай хоть на неё посмотреть. Может, она и вправду такая страшная.

Следопыт молча достал резную фигурку и кинул её Рэксволду. Ассасин остановился, покрутил деревянную поделку в руке, а затем шёпотом произнёс:

– В глазах потемнело... Кажется, я начинаю понимать... – Джон подозрительно посмотрел на Рэксволда, а тот продолжил: – Тьма рассеивается... Я вижу... небо... А по нему летит... клин драконов, и один из них машет мне лапой! – ассасин заржал аки заправский конь и кинул фигурку обратно следопыту.

– Смейся, смейся, – заговорщически произнёс мечник. – Я тебе обязательно всё припомню. Посмеюсь над тобой, когда выйдем к морю. Предполагаю, именно там я услышу новую историю про сокровища Радостной королевы или клад Одноногого пирата.

– О-о-о! – восторженно воскликнул Рэксволд. – Я знаю много историй. Жизнь моряка только из них и состоит. Хочешь, расскажу тебе про алмазы Злобного карлика?

Алан не выдержал и захохотал. А Джон, не веря собственным ушам, с улыбкой покачал головой:

– До встречи с тобой ассасины мне всегда представлялись хладнокровными, безэмоциональными убийцами.

– Стереотипы, – пожал плечами Рэксволд. – Хотя в тайных гильдиях убийц по большей части именно такие и обитают. Понурые палачи, за достойную плату уничтожающие любую цель.

– Ты когда-нибудь состоял в таких гильдиях? – следопыт перелез через толстое упавшее дерево и обернулся.

– Нет, – упёршись рукой в ствол, ассасин легко перемахнул через препятствие. – Не в обиду будет сказано, солдат, но, что касается отнимания жизни, я никогда не выполнял чужих приказов: не привык подчиняться. Меня вели вперёд исключительно принципы и амбиции. Если заказ на убийство шёл с ними вразрез, то он посылался ко всем чертям. В гильдиях убийц за такое сразу же сносят голову. Там наёмник лишь инструмент без собственного мнения.

– Несладко им живётся, – Алан перебрался через дерево в более узкой части ствола.

– Ну это как посмотреть: поручений достаточно, платят хорошо, думать нужно только о выполнении заказа. Для большинства мастеров клинка – мечта, а не работа.

– И сколько таких гильдий существует в мире? – вновь обернулся идущий впереди Джон.

– Немного. Как-никак они конкурируют между собой. Новые формирования появляются редко, и их очень быстро уничтожают крупные гильдии, веками восседающие на теневом пьедестале смерти.

– Веками? – удивился следопыт. – Раз гильдии убийц не истребили, значит, это на руку нашим правителям. Я прав?

– И не только королям, – с плутовской улыбкой подтвердил догадку Рэксволд. – Любой обеспеченный и уважаемый человек может воспользоваться их услугами, чтобы не замарать свою репутацию. Гильдии ассасинов имеют влияние на всех континентах. Нет такой цели, до которой они не смогли бы добраться. Вопрос упирается исключительно в цену. Но стоит отдать им должное: при таких возможностях они никогда не пытались свергнуть действующую власть или захватить трон. Гильдии убийц вполне устраивает занимаемая ниша.

– А если ассасин не справится с заказом? – Алан поднял нерешительный взор на Рэксволда. – Вдруг его там убьют или возьмут в плен...

Обладатель кинжалов бросил на парнишку строгий взгляд:

– Ассасин скорее выберет достойную смерть в бою, нежели тюремные оковы. Серьёзно раненый, без возможности сражаться, он примет заранее приготовленный яд. Попасть в плен – навсегда опозорить своё имя. Такому неудачнику дорога только в могилу, и ему в этом помо-

гут. А за проваленный контракт на убийство повысят вознаграждение и найдут другого исполнителя. Цель будет ликвидирована в любом случае.

– Откуда ты столько знаешь о гильдиях ассасинов, если никогда в них не состоял? – Джон переступил через узенький лесной ручеёк.

– Общие правила, в отличие от информации о заказах, не являются тайной.

– А убийцы могут работать парами? – Алан задумчиво почесал шею. – Или все одиночки?

– Могут... – Рэксволд устремил взор куда-то вдаль. – Хоть я и не состоял в гильдии, была у меня напарница. Идеальная техника владения двумя мечами. Сказать честно, я даже немного завидовал. Наша дружба длилась несколько лет. Но рано или поздно смерть забирает даже лучших. Это конечный удел таких, как я... – он ускорил шаг, подвинув плечом следопыта.

Беседа застыла на грустной ноте и, не получив продолжения, оборвалась. Дальше путники пошли молча. Берёзовая роща неспешно сменялась старой дубравой. Нарастающий птичий гвалт предрекал тёплое утро.

* * *

В западной части Эльтарона затерялась маленькая деревушка, сокрытая от посторонних глаз. Даже самые подробные карты не могли поведать о её месторасположении. Ветхие бревенчатые домики, окружённые покосившимся частоколом, оставляли ложное ощущение незащищённости. Но жители этого поселения не нуждались в высоких заборах и крепких засовах. Суровый нрав, вопиющая жестокость и почти полная вседозволенность оберегали «Бездушных» лучше каменных стен.

На небольшом деревянном помосте стоял единственный человек, которого «Бездушные» боялись больше самой смерти. Он внимательно наблюдал за проходившей внизу тренировкой: бойцы, разбившись на пары, заняли почти всё пространство в кольце шести одноэтажных домов. Среди сражающихся воинов выделялся один шустрый парень в круглых очках с тонкой оправой. Не обращая внимания на объявлявший деревню лязг металла, он сидел, прислонившись спиной к расположенному в центре колодцу, и задумчиво листал какие-то бумаги.

В голубом небе появилась едва различимая тёмная точка – почтовый голубь, стремительно приближавшийся к деревне с юго-восточной стороны. Сделав круг над поселением, птица спустилась на клетку, прибитую к сучковатым перилам помоста. Бальтазар незамедлительно взял голубя в руки и открепил от лапы маленькую, свёрнутую в трубочку записку. Сунув пернатого гонца в клетку, седовласый пробежал глазами сообщение и нахмурился: привыкший всегда добиваться своего, он люто ненавидел скверные вести. Главарь «Бездушных» сошёл с помоста по ступенчатой лестнице и крикнул:

– Квэлт, Дальер – за мной! Остальным продолжать тренировку!

Он зашёл в один из бревенчатых домов, уселся на стул и, привольно откинувшись, забросил ноги на письменный стол. Последовавшие за ним воины смиренно остановились на затёртом ковре посередине комнаты.

– Дикая столица держит ухо востро, – недовольно сказал Бальтазар. – Отрава миновала колодцы Басторга. А значит, настало время более радикальных мер. Тащите сюда Пустоту.

Головорезы покинули помещение, и седовласый достал из ящика стола маленький пузырёк с вязкой сиреневой жидкостью. Каждый уважающий себя алхимик знал: существовало только одно зелье подобного цвета и консистенции – «Лотос счастья». Под жизнерадостным названием таился сильнодействующий дурман, что крепко сковывал разум неистовой зависимостью, подгоняемой страшными муками. «Лотос счастья» готовился из смеси специальных настоев по старинному рецепту, известному лишь единицам. В его состав входили уникальные цветы с полей Ардонэйзии, редкие корни пустыни Аль Херон и специфические ягоды степей Рорха. Достать эти ингредиенты в Эльтароне не представлялось возможным. Никому, кроме

Бальтазара, сквозь загребушие руки которого протекали все сделки контрабандистов лесного королевства.

Вскоре разбойники вернулись с закованной в кандалы девушкой, чья одежда была замызганной и местами дырявой. Грубо поставив узницу на колени, они вопросительно посмотрели на седовласого. Тот щёлкнул пальцами и скрестил руки на груди. Квэлт, намотав растрёпанную пшенично-золотую косу пленницы на ладонь, рывком поднял её поникшую голову. Усталый замученный взгляд девушки встретила надменная улыбка Бальтазара:

– Как тебе спалось, красавица, с крысами в темноте сырого погреба?

Узница хотела опустить голову, но Квэлт ещё сильнее намотал волосы на руку, упёршись костяшками кулака ей в затылок. Несмотря на причиняемую боль, пленница безэмоционально смотрела на Бальтазара, явно не желая удостаивать его ответом. Молчаливая пауза разозлила разбойника, и он наотмашь ударил девушку по лицу:

– Отвечай, когда к тебе обращаются!

Узница нахмурила брови, предав и без того строгим чертам лица ледяную суровость с проглядывавшей за ней хищностью. В одно мгновение она, словно пружина, оттолкнулась от пола, перевернулась в воздухе и обхватила ногами голову своего обидчика. Прежде чем Дальер успел что-то предпринять, Квэлт упал замертво со сломанной шеей.

– Манерам ты так и не научилась, но форму не потеряла. Это радует, – Бальтазар похлопал в ладоши, лениво убирая ноги со стола.

Второй разбойник выдернул из ножен меч и сделал прямой выпад. Пленница отразила атаку цепью кандалов, а затем, опутав ею лезвие, коленом выбила клинок из рук врага. Молниеносный удар головой в лицо заставил Дальера отшатнуться к стене, схватившись пальцами за разбитый нос. Завладев повисшим на цепи оружием, девушка замахнулась, чтобы добить врага.

– Довольно! – рявкнул Бальтазар, крутя в руках небольшой сиреневый флакончик, и та покорно замерла. – Если он умрёт, ты не получишь свою порцию счастья.

Вмиг потеряв интерес к разбойнику, узница сделала шаг в сторону обладателя дурманящего зелья.

– Ты же его так хочешь, правда? – ухмыльнулся седовласый, видя, как жадно загорелись её глаза. – И знаешь, что я тебе не по зубам. Что нужно сделать?

Не отрывая взгляда от блестящего пузырька, пленница снова опустилась на колени.

– Молодец. А теперь ответь на простые вопросы и получи заслуженную награду, – Бальтазар с хитрым прищуром поставил локти на стол. – Кто ты?

– Пустота... – тихо промолвила девушка.

– Что течёт по твоим венам?

– Пустота...

– Что остаётся после тебя?

– Пустота...

– Хорошая девочка, – седовласый кинул ей в руки заветный флакончик.

Выронив меч, узница с остервенением неделю не евшего бродяги вытащила зубами деревянную пробку и залпом выпила содержимое – на лице промелькнуло облегчение, которое тут же сменилось неподдельным умиротворением. За мимолётным экстазом последовал прилив сил. Шум в голове и ощущение объятых пламенем вен стали понемногу утихать. Вместе с ними отступил и окутывавший разум туман. Яркое выраженное раболепство сменилось нескрываемым презрением, и девушка грозно взглянула на Бальтазара.

– Не советую тратить силы на заведомо проигрышное решение, – седовласый расплылся в пакостной улыбке. – Через два дня эффект от нектара полностью покинет твоё тело. Его место займёт усиливающаяся жажда, обрекающая тебя на жуткие страдания. Глоток сиреневого напитка станет дороже всего золота мира. А уже через неделю ты снова будешь скрежетать

зубами и молить богов о смерти. Но вся ирония в том, что «Лотос счастья» вселяет в человека ужас при одной лишь мысли о скорой кончине. Ты будешь до последнего бороться за свою никчёмную жизнь, моя девочка.

На лице Пустоты застыли злоба и отчаяние. Главварь «Бездушных» постучал пальцами по столу и продолжил свою мысль:

– Впрочем, у тебя есть шанс получить ещё порцию нектара. Что скажешь?

Пленница нехотя кивнула. Бальтазар пнул в её сторону большой деревянный сундук, до этого стоявший у стола:

– Тогда у меня для тебя задание. Всё необходимое ты найдешь внутри, – он посмотрел на разбойника. – Сними с неё кандалы.

Утерев разбитый нос рукавом, Дальер достал из кармана ключ. Он с опаской подошёл к не сводившей с него глаз девушке, будто собирался освободить дикого зверя. Несколько осторожных движений, и железные браслеты со звоном упали на пол.

* * *

Близился полдень. Путники брели по густому лесу, переполненному старыми упавшими дубами. Изредка над их головами сквозь листву проглядывали кусочки синего неба, но они этого не замечали, вымеряя каждый шаг в лабиринте из мёртвых деревьев.

– Паскудный бурелом, – не выдержал Рэксволд. Он остановился и немного покрутился на месте. – И не видно ж из-за него ни черта.

– Да, – согласился Джон, глядя на вездесущие горизонтальные дубы, скрывавшие весь обзор торчащими, кривыми ветвями.

– Я могу осмотреться, – Алан подошёл к единственному наклонному дереву, лёгшему на скрещенные трухлявые стволы. Балансируя руками и аккуратно переступая ветки, он взобрался на его середину и чуть не поскользнулся на оторвавшемся куске гнилой коры.

– Ты только не свались, – предостерёг Джон.

– Угу. Мы тебя не потащим, – с усмешкой предупредил ассасин. – Здесь останешься.

Парнишка с предельной осторожностью дошёл до конца ствола. Поднёс ладонь ко лбу. Повертел головой. В просвете между стоявшими вдалеке дубами зеленело бескрайнее, ровное пространство с большими, причудливыми кустами.

– Недолго ещё волочить ноги по сучьям, – обнадёжил спутников юнец. – Там вроде поле.

– Поле? – с недоверием переспросил Джон. – В такой глуши?

– Туда, – благополучно спустившись, указал направление Алан.

При ближайшем рассмотрении полем оказался необъятный провал, из которого росли могучие кедровые сосны. Их плотно прилежавшие друг к другу кроны создавали иллюзию равнины, а макушки более высоких деревьев – кустов.

Путники обнаружили священный лес друидов раньше, чем предполагал следопыт. Ночной сплав по реке и полтора дня пути по чащобе немного запутали Джона, но в целом он выбрал правильное направление. Рэксволд бросил победоносный взгляд на слегка удивлённого мечника.

– Ладно, ты прав. Лес существует, – неохотно признал тот, затем подошёл к краю пропасти.

Стволы деревьев уходили вниз и пропадали в темноте: все попытки солнечного света достигнуть глубин бездны разбивались о верхушки густых кедровых крон – дно пропасти полностью скрывала тьма.

– Интересно, насколько она глубокая? – Алан уронил взор во мглу.

Следопыт бросил в пропасть камень, но услышал лишь отдаляющийся стук скачущего по веткам булыжника, пока его и вовсе не поглотила тишина:

– Что-то смягчило удар. Скорее всего, дно поросло мхом. Или же она бездонная...

– Можно сбросить Алана, – ассасин похлопал паренька по плечу. – Орёт он знатно. Даже если она бездонная, мы будем его слышать не менее часа.

– Очень смешно, – юнец демонстративно закатил глаза. – Что дальше-то? Есть идеи, как спускаться будем?

– Есть одна, но она тебе не понравится, – Джон бросил взгляд на сплетение лиан, облюбовавших края пропасти: выющиеся растения свисали прямо с обрыва и ныряли в непроглядную тьму.

– Серьёзно? А если они не достают до дна? – предположил парнишка.

– Значит, тебе всё же придётся прыгать, – Рэксволд направился в сторону лиан. – Я проверю. У меня самая лёгкая броня. Да и за восемь лет плавания достаточно по вантам налазил. Мне не составит труда подняться наверх, если чёртовы растения окажутся слишком короткими.

– Ты понимаешь, что они могут оборваться? – встревожился Алан.

– Не бойсь, – со смешком ответил ассасин. – Если они оборвутся, я сварю из их остатков похлёбку, когда вскарабкаюсь обратно.

– Алан прав, – рассудил следопыт. – Здесь не место шуткам. Ты осознаёшь всю опасность затеи?

– Конечно, – самоуверенно подмигнул Рэксволд, хватаясь за лиану. – Именно поэтому проверить должен я.

Алан и Джон с замиранием сердца смотрели, как проворный ассасин спускался в глубины бездны. Метр за метром. Всё ниже и ниже. Он ловко перебирал зелёные канаты, стремительно погружаясь в полумрак. Однако вдруг... сорвался! Стал падать, а через пару мгновений снова схватился за сплетение растений.

– Зуб даю, вы купились! – крикнул он, раскачиваясь на лианах. – Жаль, отсюда не видно ваших рож!

– Рэксволд, ты кретин! – донёсся звонкий голос откуда-то сверху.

– Зато мы теперь наверняка знаем, что они выдержат даже тяжёлую экипировку Джона. Не за что, кстати! – ассасин продолжил спуск, пока окончательно не скрылся во тьме.

Томительные секунды ожидания прервал слабый крик, долетевший со дна пропасти:

– Ну, где вы там?! Спускайтесь!

«Спускайтесь», – тихо повторило эхо. Авантюристы переглянулись и взяли в руки лианы.

– Имей в виду, – строго сказал Джон. – В таких местах обычно водятся змеи и пауки. Есть вероятность встретить их ещё до того, как мы окажемся внизу. Как бы тебе ни было страшно или больно, ни при каких обстоятельствах не разжимай обе руки. Постоянно держи эту мысль в голове.

Алан кивнул и, тяжело вздохнув, ещё сильнее вцепился в лиану.

– Что ж, – улыбнулся следопыт. – Тогда вперёд. Навстречу приключениям. Мне уже самому интересно, что же таит в себе эта загадочная пропасть и почему друиды считают её священной.

Солнечный свет тускнел и отдалялся по мере того, как Джон с Аланом спускались в мрачные глубины бездны.

* * *

Прохладную темноту пропасти наполнял насыщенный запах грибов и сырой древесины, а царившая на дне тишина неприятно давила на уши. После светлого леса с пением птиц и свежим ветром на языке ассасина крутилось лишь одно слово – могила.

– Да, тьма, хоть глаз выколи, – пробурчал висящий на лианах Джон, нащупывая сапогом более или менее твёрдое место.

– Пожалуй, так будет лучше, – Рэксволд щёлкнул огнём, и яркий свет моментально разогнал мглу.

Следопыт посмотрел на убийцу, державшего в руках небольшой факел.

– Всегда знал, что он когда-нибудь мне пригодится, – добавил ассасин и с видом спасителя провёл ладонью сквозь пламя.

Джон осмотрелся. Влажную землю бороздили поросшие мхами корни. Чёрные стволы кедровых сосен устремлялись вверх и пропадали во мраке. Основания деревьев облепляло бесчисленное множество различных грибов. Некоторые из них он видел впервые. Мечник приблизился к одному из стволов и осторожно срезал ножом большой бежевый гриб. Алхимики называли его вампирическим трутовиком за уникальное свойство древесного паразита проникать сквозь самую толстую кору и питаться смолой своей «жертвы». Среди охотников и следопытов прижилось другое название гриба: за лёгкую воспламеняемость и долгое горение они прозвали его огневиком, зачастую используя в практических целях.

Джон поднял сырую ветку, наколот на неё гриб и щёлкнул огнём. Самодельный факел вспыхнул, и усилившийся свет выхватил из тьмы ноги слезавшего по лианам Алана. Следопыт усмехнулся, кивнув на факел ассасина:

– Сколько ты, говоришь, таскал его с собой?

– Мой поярче будет, – невозмутимо отпарировал тот.

– Так я могу второй сделать, – задорно сказал Джон.

– Ты нарываешься.

– Правда? А я и не заметил, – хитрые глаза говорили об обратном.

Рэксволд покачал головой, подошёл к следопыту и слабо улыбнулся:

– Ладно. Признаю. Хоть что-то ты умеешь делать лучше меня, – карий взгляд упал на с трудом спустившегося Алана. – Ну наконец-то. Я уж думал, ты так и будешь болтаться там до зимы.

Парнишка снял с себя паутину и посмотрел на Джона:

– Какой здоровский факел. А сделаешь мне такой же?

– Конечно, мой юный друг, – следопыт направился в сторону ближайшего дерева.

– Когда это вы уже успели спеться? – Рэксволд прищурил глаза. – Ну да ладно... Нужно двигаться дальше.

* * *

Три дрожащих огонька разгоняли мрачный покой священного леса друидов. Гигантские чёрные стволы, словно колонны, подпирали беспросветно тёмный свод. Устилавшие землю корни деревьев напоминали застывших змей, то и дело подбивавших незваных гостей споткнуться и рухнуть в грубые объятия мшистых коряг.

– Мерзкое место, – поёжился Алан.

– Наверно, именно так и выглядит загробный мир, если он вообще существует, – Джон посмотрел на спутников. – Никакого намёка на живность: ни пения птиц, ни признаков зверей. Комариного писка – и того нет. Лишь тьма и мёртвая тишина. Порой мне кажется, что последние несколько столетий сюда вообще не ступала нога человека.

– Пожалуй, да... – Рэксволд пнул торчавший из корней мухомор, и тот, развалившись на несколько частей, улетел в темноту. – Даже местный сюда не сунется. Окружающие пропасть леса полны хищников, разбойников и дикарей. Последние тоже вряд ли спускались в эту грибную могилу.

– И как мы отыщем здесь руины замка? – Алан почесал затылок. – Что, если он полностью разрушился при обвале и корни уже давно поглотили его развалины?

– Предания дикарей гласят о замке, провалившемся под землю, но что-то тут не сходится, – ассасин топнул ногой по хитросплетению корней. – Дно бездно слишком ровное. Рух-

нувший с такой высоты замок образовал бы подобие приплюснутого холма. А здесь я не вижу ни уклонов, ни возвышений. Это странно. Потому смотрите в оба.

– Или его вообще не существует, – без энтузиазма добавил Джон. – Впрочем, я и не надеялся здесь что-то отыскать. Отведу вас к центру бездны и буду возвращаться. Я увидел уже достаточно, чтобы удовлетворить своё любопытство.

– Как знаешь... – Рэксволд посмотрел на парнишку. – А ты?

– Не уверен, – юнец поднял факел повыше. – Вокруг лишь тьма и грибы. Припасы тают как снег на солнце, а тут их даже пополнить нечем. Наверное, через пару часов всё же нужно будет поворачивать назад.

– Чёрт возьми, неужто всё напрасно, – ассасин достал старинную золотую монету, что таинственно заблестела в свете огня. – Откуда же ты взялась... Жаль, ты не можешь говорить... Тебе, наверное, есть что рассказать... Фух... Что-то здесь становится душно...

– Душно? – удивился Алан пылкой натуре убийцы. – А я совсем озяб. Не хочется относить факел далеко от тела. От огня хоть какое-то тепло.

– Здесь и правда прохладно, – поддержал его следопыт.

– Тихо, – вдруг сказал Рэксволд, сжав монету в кулаке. – Слышите?

Где-то в темноте слабо журчала вода. Странники пошли на звук и оказались у крохотного озера, в которое с крутого берега падал тонкий ручеёк. Тёмная гладь воды посреди леса вечной ночи выглядела жутковато, и Алан сразу вспомнил, как в Ардонэйзии непослушных детей пугали шишигами, маленькими горбатыми чудовищами, что обитали в мелких водоёмах и болотах. Солнечным днём такие небылицы вызывали лишь улыбку, но сейчас, в беспробудной тьме пропасти, подобные воспоминания неприятно щекотали нервы.

– Как кстати. Можно освежиться, – Рэксволд воткнул факел между корней, наклонился и зачерпнул ладонями воду. – Хорошо-то как, – довольно изрёк он, умывая лицо. – Леденучая. Присоединяйтесь!

– Что-то не хочется... – Алан смотрел на ассасина, как на безумца.

– Я тоже пас, – буркнул Джон, вглядываясь в зияющую над головой темноту.

– Не думал, что вы такие мерзлявые, – Рэксволд снова наклонился к воде: неожиданно тусклый свет факела выхватил на дне водоёма позеленевший человеческий скелет, – Твою ж мать! – отпрянул убийца.

– Что такое? – осторожно подошёл к нему следопыт.

– Похоже, мы не первые, кто забрёл в эти края...

– С чего ты взял? – Джон не сводил глаз с собеседника.

– Смотри, – ассасин взял в руки факел, чтобы получше осветить находку, но сквозь кристально чистую воду чернели лишь корни, устилавшие дно озера. – Скелет. Здесь был скелет! Следопыт провёл факелом над водой, но не заметил ничего необычного.

– Хорошая попытка, Рэксволд... – вдруг заулыбался он. – Я даже поверил поначалу. Хочешь заинтересовать меня, чтобы я передумал уходить?

– Я знаю, что видел, – ассасин пристально всматривался в воду. – Но теперь здесь ничего нет. Чертовщина какая-то.

– Из-за чего сыр-бор? – Алан подошёл к воинам, и свет трёх факелов слился воедино.

– Может, он помахал рукой и уполз? – ехидно спросил Джон.

– Иди к чёрту, – раздражённо бросил Рэксволд, покидая берег. – Доведи меня до центра пропасти, и я не смею тебя больше обременять. Я же задержусь здесь ещё на дня два-три, чтобы получше изучить это место. Водоёмы не дадут умереть от жажды, а пустой желудок я как-нибудь переживу. В конце концов, не зря же я проделал такой долгий путь.

– По моим расчётам, мы будем в центре очень скоро, – следопыт двинулся вперёд.

– Алан, у тебя ещё есть время, чтобы принять решение: возвращаться с ним или остаться со мной.

Едва ассасин закончил фразу, как все факелы потухли и его окружила тьма, из которой донеслось странное бульканье, плавно переходящее в шипение.

– Да вы издеваетесь, что ли?! – опешивший Рэкволд безуспешно всматривался в темноту.

В ответ на его слова шипение перетекло в глухой рык.

– Не знаю, как вы это делаете, но уже не смешно. Хотите меня разозлить?

Рык не умолкал и даже раздваивался, вызывая внутри зудящее ощущение дискомфорта.

– Хотите, чтобы я отрезал вам лишние конечности? – угрожающе изрёк ассасин. – Я могу...

Он надеялся, под страхом увечий весёлые спутники наконец завяжут с затянувшейся шуткой, но вместо этого к рыку прибавился протяжный вой – последняя капля терпения зашипела на раскалённых докрасна нервах. Убийца запустил потухший факел в сторону источника звука, и кинжалы с лязгом покинули ножны:

– Что ж. Вы сами напросились! Хотите поиграть?! Хорошо! Кто не спрятался, я не виноват...

* * *

Вооружённый кинжалами Рэкволд тихой поступью приближался к Джону, осторожно переставляя ноги, чтобы не запнуться о корни.

– Что с ним? – Алан изумлённо вглядывался в остекленевшие глаза ассасина.

– Вдовый плен, – следопыт посмотрел вслед пролетевшему рядом факелу и отошёл в сторону, чтобы убийца не добрался до него. – Не думал, что когда-нибудь ещё столкнусь с этой дрянью.

– Что ещё за дрянью? – не зная, о чём пойдёт речь, юнец на всякий случай поморщился заранее.

– Самый опасный и непредсказуемый из всех грибов. Вдовый плен настолько редкий, что большинство алхимиков уже давно считает его канувшим в безвестность. Но, как видишь, нам неслыханно «повезло» нарваться на эту чёрно-коричневую гадость. Видать, Рэкволд где-то задел его, и он изрыгнул свои споры в воздух. Теперь разум ассасина пребывает в искажённой реальности.

Рэкволд остановился, пробормотал что-то нечленораздельное и бросил пустой взгляд в сторону Алана – подчиняясь бегущим по спине мурашкам, парнишка медленно попятился.

– Не бойся, но и не подпускай его слишком близко. Он не видит и не слышит нас. Жар, бред, галлюцинации, слепота и повышенная агрессия – прекрасный набор для и без того не совсем адекватного убийцы. Его нужно как-то вырубить. Потеря сознания замедлит действие спор. Иначе рассудок скопытится раньше, чем мы сможем ему помочь.

Ассасин рассёк кинжалами воздух и уронил невидящий взор на корни, словно прислушивался к окружающим звукам.

– Но как к нему подобраться? – пролепетал юнец.

– Есть у меня одна идея, – не отводя глаз от убийцы, задумчиво произнёс Джон. – Найди какую-нибудь ветку, а я пока присмотрю за ним. Хотел бы я знать, что он сейчас видит...

* * *

Рэкволд в боевой стойке старался уловить каждое дуновение ветра, каждое содрогание земли под ногами. В окружавшей его тьме что-то рыскало, и он чувствовал, как оно пыталось к нему подобраться. Ассасин уже не помнил, где находился и что делал, но инстинкты говорили ему выжить любой ценой. Все звуки уже давно смешались в безумный шум, отдававший в голову пульсирующей болью. Чьи-то костлявые пальцы коснулись его локтя, и лезвия кинжалов стремительно прошли сквозь гулкую пустоту мрака.

– Иди сюда, тварь! – заорал Рэксволд, делая хаотичные выпады в стороны. – Где же ты?! Давай! Возьми меня, если сможешь!

Перед лицом ассасина пронёсся лёгкий ветерок, и он на опережение совершил выпад в сторону предполагаемого врага. Один из клинков задел цель: с лезвия кинжала на руку стекла струйка крови.

– Как тебе виверхэльская сталь на вкус?! Ну же, покажись!

Незримая костлявая лапа упала на плечо, и Рэксволд совершил круговой удар кинжалами, именуемый «мельницей смерти» – отрубленные фаланги пальцев полетели вниз и ударились о сапоги.

– Я буду отрезать от тебя по кусочку, пока ты не сдохнешь!

Вдруг тьму разорвал яркий мерцающий свет. Ассасина повело в сторону, и он рухнул наземь.

* * *

Рэксволд лежал без сознания. Тяжёлый удар следопыта пришёлся точно в подбородок.

– Всё-таки задел меня... – Джон смотрел на порезанную ладонь. – И это будучи слепым и глухим. Если бы не фокус с веткой, мог бы ранить намного серьёзнее.

Алан забрал у ассасина кинжалы и взглянул на Джона:

– Ловко ты его уложил. У меня до сих пор ноги дрожат от увиденного... Что дальше?

– В моих вещах есть верёвка. Свяжи ему руки за спиной да потуже. Даже без оружия он представляет для нас опасность, – следопыт смахнул со лба пот. – От такого накала страстей мне уже самому стало жарко.

Юнец связал Рэксволда, и Джон повернулся в сторону деревьев:

– Полдела сделано. Надеюсь, удача не подведёт и во второй раз. Нам нужно найти горькую синявку. Синеватый гриб на тонкой ножке с утолщением посередине. Ты его сразу узнаешь по круглым голубым пятнам на шляпке. Под ней – трубчатый слой. Обычно растёт с северной стороны ствола. Понял?

– Ага, – с готовностью кивнул парнишка. – Собирать все синие грибы и показывать тебе.

– Ну, можно и так, – следопыт почувствовал испарину на лице. – Вот же ж... У меня для тебя плохие новости... – он присел у мёртвого дерева. – Похоже, меня тоже зацепило...

– Ой-ёй, – растерянно выдал Алан.

– Не волнуйся, тебе не придётся бороться со мной. Если не совершать резкий движений, то я смогу избежать галлюцинаций и сам потеряю сознание. Правда, уже не проснусь без посторонней помощи...

– Но как я...

– Послушай, пока я ещё могу говорить, – прервал его Джон. – Растолчешь гриб рукоятью кинжала на моём щите, добавишь воды и зальёшь эту жижу во флягу. Получившуюся смесь выпьешь первым. На вкус – гадость, как коровий навоз. Но если не хочешь присоединиться к нам, то уж как-нибудь переживёшь несколько глотков. Больше и не надо. Затем ты напоишь сначала Рэксволда, потом меня, вне зависимости от нашего состояния. Уяснил?

– Понял! Я мигом.

Паренёк побежал к деревьям, но Джон его окликнул.

– Эй, Алан, – следопыт кивнул влево. – Мы пришли оттуда. Это на случай, если я уже не очнусь, – Джон прислонил голову к трухлявой древесине и, тяжело дыша, добавил: – И не держи на меня зла за то, что я тебя тогда душил...

– Ты что, помирать собрался?! Даже и не думай! – завопил Алан и бросился к поросшим грибами стволам. – Северная сторона? Чёрт возьми, и где она тут? Ладно, собираем синие грибы со всех сторон дерева...

* * *

Пот градом катился по лицу следопыта. Невидимая пелена всё больше окутывала разум. Чтобы не потерять сознание, Джон вспоминал самые яркие моменты своей жизни.

Первая любовь, вскружившая голову и оставившая тонкий шрам в юношеской душе. Тем не менее следопыт был благодарен судьбе за романтические вечера, волнительные прогулки под луной и нежные поцелуи. Пожалуй, толика истинного счастья стоила намного больше, чем впервые разбитое сердце молодого наивного парня. С годами плохое стало забываться, оставляя в памяти лишь приятный запах её длинных волос и радостный звенящий смех.

Смерть отца показала Джону всю глубину боли от потери близкого человека, безысходность, острые когти которой безжалостно полосовали сжавшуюся в комок душу. Но он не сломался. Ощущение собственной ничтожности перед неотвратимым пробудило в нём желание бороться за жизнь. И ни опускавшиеся порой руки, ни слабая почва под ногами уже не могли загасить искру надежды. С каждым годом Джон всё увереннее принимал вызовы судьбы, нанося ответный удар по козням злого рока. Строгие напутствия отца стали основой личного кодекса чести, что помогал следопыту не растерять себя в этом нелёгком деле.

Сражение в Каменных Полях явило Джону хищный оскал беспощадной войны, пожиравшей всё на своём пути. Мандраж перед грядущей битвой прошёл не сразу. Но взявший себя в руки следопыт поставил конечную точку в жизни незрелого солдата, ступив на извилистый путь воина. Лишь в бою, отнимая чужие жизни, Джон смог понять их настоящую цену. Не каждому дано, держа меч над почти поверженным врагом, прочувствовать все муки выбора. Череда тяжёлых решений вскормила кровью семя первых кошмаров, которые потом ещё долго будили следопыта по ночам.

Образы прошлого развеял лохматый запыхавшийся паренёк, что высыпал перед ним охапку голубых грибов. Юнец что-то говорил, но его голос звучал совсем далеко и неразборчиво, уступая место странному нарастающему гулу. «Кто он и чего хочет?» – Джон уставился в его встревоженное лицо, и ему почему-то стало смешно. Он засмеялся, но не услышал своего смеха. «Что со мной? Почему всё вокруг темнеет?» – покосившись по сторонам, следопыт снова взглянул на парнишку, протянувшего ладонь с чем-то непонятным, и провалился во тьму.

* * *

– Прекрасно. Просто великолепно, – Алан с досадой сжал в кулаке гриб и ещё раз посмотрел на лежавшего без сознания следопыта. – Так. Нужно взять себя в руки. Что он там говорил? Синяя шляпка. Голубые пятнышки. Или наоборот? И, кажется, что-то про тонкую ножку. Давай, Алан, вспоминай. Сейчас всё зависит только от тебя.

Паренёк начал перебирать россыпь синеватых грибов, методом исключения откладывая неподходящие под описание.

– Чёрные точки. Не то. Жирная ножка. Нет. Светлые полосы. Не припомню такого. Белые пятна. Непохоже. Двойная ножка. Серьёзно? А этот вообще какой-то слизью покрыт. Фу! – Алан с отвращением отшвырнул последний гриб подальше, и перед ним осталось четыре одинаковых гриба.

– Какая-то там синявка, – пробормотал Алан, поднося один из грибов к лицу. – Во имя всех богов, пусть это окажешься ты.

Юнец подтащил к себе щит, взял в руки кинжал и принялся за дело. Вечную тишину тёмного леса нарушали лишь быстрые глухие постукивания. Так билось невидимое сердце надежды.

* * *

Кровавый закат, словно недоброе знамение, нависал над безмолвной долиной. Грок стоял на вершине крутого холма и, подпирая плечом дерево, всматривался вдаль. На соседнем холме от леса к небу тянулась седая полоса. Дым от костра намекал на ночной лагерь уставших путников или чьё-то жилище. Огонь мог вполне греть и того, по чьим следам так долго и упорно шли разбойники. Но гадать не имело смысла: Грок знал, что с наступлением ночи он со своими людьми уже будет там.

Глава 5

Неясный шум постепенно преобразовывался в человеческую речь. Звучащие эхом слова сливались в непонятные фразы, а те, в свою очередь, неспешно складывались в разумные предложения.

– Так ты не шутишь? Я действительно сражался с веткой? – удивлённый голос ассасина заставил Джона открыть глаза.

Дрожащий свет очерчивал контуры могучих деревьев и, вступая в неравную схватку со мглой, рассеивался в чёрной пустоте. Рэксволд и Алан сидели у небрежного костерка, оживлённо беседуя о минувших событиях. Следопыт привстал, и мир вокруг него весело закрутился. Лёгкое головокружение, тупая боль в висках и временами подкатывавшая тошнота – последствия смеси горькой синявки и вдовьего плена.

– Надо же... Ты смог... – Джон сел, с трудом фокусируя взгляд на сидевших у костра силуэтах.

– Вот и вторая грибная марионетка очнулась, – обрадовался паренёк. – Один в беспмятстве сражался с призраками, пока его не уложили. Второй вместо помощи с грибами лишь безмятежно улыбался, пока не уснул. А что Алан? Алан всех спасай!

Ассасин рассмеялся и легонько стукнул его кулаком по плечу:

– Считаю, что это твоё боевое крещение. Ты вырвал нас из цепких лап смерти.

– Да, ты молодец. Не растерялся и сумел изготовить исцеляющий эликсир. Не лучший, конечно, вариант: сильно истощает. Не исключены даже потери сознания, поэтому о подъёме по лианам можно пока забыть. Однако выбирать не приходилось, – следопыт перебрался поближе к огню. – Сам-то как себя чувствуешь?

– Судя по всему, лучше вашего, – Алан смотрел на отчётливые мешки под глазами обоих спутников. – То ли меня миновало, то ли твоя вонючая бурда пресекла мерзкую заразу. Не знаю... Но я сделал этого снадобья прозапас. На всякий случай.

– Мудрое решение. А огонь откуда? Тут же всё сырое, – Джон недоумённо огляделся.

– Я видел, какие грибы ты срезал для факелов. Из них и развёл костёр. Рядом разложил хворост, чтобы просух, – гордый собой, юнец довольно улыбнулся.

– Схватываешь на лету. Похвально, – следопыт по привычке посмотрел наверх, но взор потерялся в колючей темноте. – М-да. Хотел бы я знать, сколько продрых... Увы. Без неба мне этого не понять.

– Думаю, сейчас уже ночь, – Алан широко зевнул. – Но здесь это не имеет никакого значения. Тем более, пока вы были без сознания, я тоже успел немного поспать. Теперь, когда все в сборе, можно и перекусить, – парнишка указал на котомку, до краёв забитую круглыми зеленоватыми ягодами. – Из еды остались лишь сухари, да и тех хватит от силы на день. Я пополнил наши запасы провизии. И только не говорите, что она несъедобная.

Джон взял ягоду, недоверчиво покрутив её в пальцах:

– Глазам не верю. Плоды сыроцвета. Более блёклые, чем обычно, но это точно сыроцвет. Та ещё кислятина, однако есть можно. Чаще всего он растёт на болотах. Где ты его тут раздобыл?

– Да здесь, недалеко, – Алан мотнул головой влево. – Целая вереница кустов. Заметил их, пока искал грибы. Потом всё равно делать нечего было, вот и решил собрать. А раз они

съедобные, то предлагаю наконец поужинать. Не знаю, как ваши, но мой живот начал урчать уже давно.

Лес вечной ночи, словно коршун, нависал над маленьким огоньком, вокруг которого сидели странники. Ягоды, закусываемые сухарями, казались уже не такими кислыми, оставляя на языке слабое медово-лавандовое послевкусие. Не подвернись под руку сыроцвет, пришлось бы выискивать съедобные грибы, кои Джону здесь пока не попадались, или же и правда жевать лианы.

Рэксволд закинул в рот ягодно-хлебную закуску, осторожно коснулся пальцами челюсти и произнёс:

– Скажи-ка мне, Джон, когда ты понял, что совесть позволяет тебе бить беспомощных слепых?

Следопыт чуть не подавился сухарём и исподлобья посмотрел на ассасина.

– Это ты-то беспомощный слепой? – Джон продемонстрировал глубокий порез на ладони. – Чуть руку мне не оттыпал.

– Нет, вы посмотрите на него – ни капли сожаления, – ассасин осуждающе покачал головой.

– Я сожалею только, что ты упал с первого удара и я не сумел растянуть удовольствие от процесса, – следопыт изобразил разочарование, а после добавил: – Алан, тебе нигде там не попался вдовый плен? А то я бы ещё вломил этому неблагодарному, но, боюсь, без гриба это будет весьма проблематично.

Алан улыбнулся. Рэксволд же нахмурился, бросил дерзкий взгляд на Джона и внезапно рассмеялся:

– Ну наконец-то, нотки агрессии, которую ты всячески подавляешь. Такой Джон мне нравится больше.

Странники продолжили трапезу, обсуждая планы на ближайшие два дня. Приблизительно столько времени, по меркам следопыта, требовалось человеку на полное восстановление после воздействия дурманящих грибов. Карабкаться наверх раньше намеченного срока никому не хотелось: на высоте даже мимолётная потеря сознания означала неминуемую гибель. С учётом новых запасов провизии вынужденная задержка на дне пропасти несильно расстроила Джона с Аланом, и они решили составить компанию ассасину, который всё ещё намеревался отыскать затерянные богатства.

* * *

Полная луна ярко озаряла ночное небо, проливая загадочный свет на спящую долину. В лесу, на поросшей редкой травой поляне, полыхал огромный костёр, окружённый пятью маленькими. Костры соединялись между собой линиями, выложенными из костей животных, цветов вереска и остроугольных камней. Последнее полнолуние лета друиды считали священным, и каждое племя ежегодно проводило древний обряд, призванный задобрить лесных Духов. Благоклонность высших сил даровала людям хороший урожай и удачную охоту, а порою лесные Духи даже могли являться в образе зверей, чтобы наставить заплутавшие души на истинный путь. По крайней мере, в это верили друиды.

Вокруг главного костра на коленях стояли женщины, время от времени вскидывавшие руки к иссиня-чёрному небу. Вторым кольцом за ними располагались мужчины с примитивными музыкальными инструментами. Хоть топорный вид поделок оставлял желать лучшего – издаваемые ими звуки завораживали. Звонкие ноты арфы и флейты беспокойно перекликались друг с другом, изредка отступая перед низким тембром виолончели. Странная тревожная мелодия, сопровождаемая хорovým песнопением и тяжёлым стуком больших барабанов, постепенно ускорялась. Гортанное пение мужчин переплеталось с тонким высоким голосом друидской девушки, которой периодически вторили остальные женщины. Протяжный плач виолон-

чели утонул в низком рыке горна, и на передний план вышла переливающаяся игра арфы. Мужской баритон занял лидирующую позицию, по очереди поддерживаемую тремя женскими голосами. Пламя костра покачивалось в такт музыке, изящно дополняя таинство ритуала. Рёв трубящего горна задал песне новый ритм, а непрерывная барабанная дробь объединила все инструменты в единую композицию, сложности которой могли позавидовать лучшие бард-ансамбли лесного королевства. Пульсирующий хор стал выкрикивать слова, значение которых было понятно лишь посвящённым.

Когда песня отзвучала, друиды вскинули руки и, точно срывая незримый покров, резко опустили – пламя огромного костра вдруг позеленело, после чего незамедлительно потухло. Чарующую тишину нарушал лишь слабый треск оставшихся костерков. Ведунья встала с колен и подняла ладонь, объятую зеленоватым огнём. Огнём, не наносившим никакого вреда. Такое знамение друиды видели впервые и с трепетом созерцали дарованный свыше знак. Где-то неподалёку хрустнула ветка – изумрудное пламя на руке женщины тут же угасло.

На поляну осторожно вышли шесть бравых воинов. Четверо из них было вооружено арбалетами и луками, направленными на друидов. Один из мужчин племени подобрал с земли копье, и тут же упал с торчавшей из глаза стрелой. Раздался пронзительный женский крик, плавно перешедший в тихий всхлипывающий плач.

– Ksandak zi nur! – громко сказала ведунья.

Побросав музыкальные инструменты, все члены племени, коих было не меньше пятнадцати, сбились в группу и, смиренно опустив глаза, уселись на землю. Ведунья направила в сторону бандитов невидящий взгляд, оставшись стоять у большого тлеющего кострища. На её лице не было и тени страха, а вытянутые в полоску губы выражали осуждение.

– Удивительно, – вышел вперёд высокий широкоплечий варвар. – Слепая понимает больше зрячих. Убедитесь, что среди дикарей не затесался чужак.

Двое разбойников начали с разных сторон обходить друидов. Напуганные люди жались друг к другу, стараясь не смотреть на головорезов, что держали ладони на рукоятках мечей и были готовы без зазрения совести убить любого даже за косой взгляд. Один из бандитов, с кривым шрамом через всё лицо, остановился напротив молоденькой девушки и поднял её с колен:

– Милое личико для дикарки. Я возьму с собой трофей, Грок?

Варвар хладнокровно посмотрел на ухмыляющегося разбойника и растерянную друидку:

– Мне плевать, Гинли. Меня, как охотника, интересует лишь конечная цель. Ничто не должно мешать погоне. Будешь с утра хоть немного вялым – разрублю пополам. Уверен в своих силах – развлекайся. Это относится и к остальным.

Разбойник прижал к себе девушку и подмигнул Гроку:

– Пожалуй, я рискну. Не каждый день попадают такие красавицы.

Девушка засопровтивлялась, отталкивая от себя весёлого бандита, но тот крепко держал её за талию. Вдруг один из молодых друидов вскочил с места и сделал замах для броска топора. Вонзившийся ему в затылок арбалетный болт моментально оборвал попытку внезапной атаки: веснушчатый парень замертво упал на землю. Его рука, судорожно дёргаясь, всё ещё сжимала метательный топорик, что зарылся остриём в почву, чтобы не видеть гримасу ужаса, застывшую на лице друидки. Девушка истошно закричала и бросилась было к убитому, однако мускулистые сцепленные у неё на животе руки легко отёрнули её назад.

Встревоженная ведунья что-то заголосила на непонятном языке, но почувствовав упёртый в подбородок кинжал, замолчала.

– Хороший выстрел, Индрикен! – со смешком сказал Гинли, затем развернул и прижал к груди горько рыдавшую девушку. – Я утешу тебя, не переживай...

– Кому ещё что не нравится?! – рявкнул арбалетчик, на ходу перезаряжая оружие.

Он приблизился к друидам и направил на них поблёскивающий наконечник наложенного на арбалет болта. Поникшие мужчины принялись осторожно демонстрировать пустые ладони, загоразивая собой дрожавших женщин. Довольный их перепуганным видом, Индрикен опустил оружие:

– То-то же. Хотя постойте-ка... Кого это вы там прячете посередине? А ну, расползлись! – он вновь вскинул арбалет, целясь в центр группы.

Лесной народ недоумённо переглядывался, боясь сделать что-нибудь не так и лишиться жизни.

– Они тебя не понимают, – изрёк Грок и, выдержав паузу, указал пленникам на мёртвых соплеменников. – *Gezkamo gi fayan rus brahsigen...*

Слова были сказаны на древнем наречии «дракшаз». Начало этого диалекта, понятного большинству диких племён семи королевств, тянулось ещё с тёмных веков истории. Но разменная монета взаимопонимания не исключала факта, что большая часть отшельнических народов, благодаря оседлому образу жизни, разговаривала на своём специфическом наречии, всё дальше уходя от общих традиций. В итоге дракшаз почти канул в безвестность, став уделом старейшин, ещё не забывших далёкие корни и бережно передававших редкое знание своим детям.

Для обычных людей любое наречие племён являлось бессмысленным набором звуков. Цивилизованное общество признавало лишь несколько основных языков, определённых географическим положением соседствующих королевств. У государств, находящихся на одном континенте, всегда было много общего, и схожий говор не являлся исключением. Поэтому жители Эльтарона, Ардонэйзии и Рорха без труда понимали друг друга, как и обитатели Виверхэля с Аль Хероном. Удалённые от других, королевства Грондэнарка и Грозовых островов имели свои уникальные языки.

Друиды уловили суть сказанной фразы и нехотя расселись в стороны, явив разбойникам напуганную русую девочку с двумя косичками, которую они все вместе пытались спрятать за спинами.

– Эх, жаль, Билли уже нет с нами. Он бы не отказался от такой игрушки, – Гинли вновь прижал к себе плачущую девушку и поцеловал её в губы. – А мне и тебя хватит.

– Ты знаешь дракшаз? – удивлённо произнесла ведунья на древнем наречии.

– И что из этого? – подойдя к ней, бросил северянин.

– Тогда позволь спросить тебя: зачем вы вторглись в наши земли и пролили нашу кровь? – она заглянула пустым взором Гроку в лицо.

– Для меня нет ни преград, ни законов и уж тем более я не чту чужих традиций, – ответил варвар на дракшазе. – Но я готов дать тебе один шанс спасти своё племя, – Грок хрустнул шеей. – Мы ищем беглеца, создавшего нам немало проблем. Если сможете найти его, то больше никто не умрёт. Что касается девки... – он посмотрел на молодую друидку, чью грудь уже во всю лапал Гинли. – Её отпустят на рассвете.

Пять вооруженных разбойников с интересом наблюдали за странной беседой.

– Ни черта не понимаю, – раздосадованно прошептал Индрикен. – О чём вообще можно говорить с этими животными?

– Заткнись и смотри в оба, чтобы никто из них не выкинул какую-нибудь глупость, – тихо сказал Конрад, держа наготове лук.

– Что ж, – ответила старая женщина. – Похоже, у меня нет выбора, но есть возможность спасти свой народ. Глупо её упускать. Охотники, бывшие на трёхдневной охоте, могли видеть чужаков. Позволь мне спросить их об этом.

– Дерзай, – кивнул Грок.

Ведунья повернулась к своему клану и заговорила на друидском наречии.

– Говори на дракшазе, – тут же оборвал её варвар.

– Они плохо знают древнее наречие, так как с малых лет общаются на своём родном языке, языке друидов, – ведунья коснулась ладонью обвисшей груди. – Клянусь Духом леса, я не скажу им ничего, что могло бы навредить вам.

Грок призадумался: кучка сломленных людей уже не представляла особой опасности.

– Будь по-твоему, – твёрдо произнёс он.

Размеренные и спокойные слова ведуньи встревожили племя. Разговор тут же скатился в бурную полемику с некоторыми импульсивными мужчинами. Однако, после того как слепая вознесла руки над толпой, друиды смиренно умолкли и неохотно закивали поникшими головами.

– Ну так что? – северянин посмотрел в затянутые мутной пеленой глаза. – Они видели здесь чужаков за последние дни?

– Да... – загадочно вымолвила ведунья. – Но прежде, чем я отвечу, могу ли я дотронуться до тебя, чтобы узнать, как ты выглядишь?

– Это ещё зачем?

– Я хочу запомнить внешность того, кто желает оборвать жизнь черноволосого чужака. Всё же именно я отправлю убийц по его следу. Не откажи хотя бы в соблюдении этой традиции.

– Хм. Про чёрные волосы я тебе не говорил... – Грок призадумался. – Похоже, ты и впрямь что-то знаешь. Ладно. Только быстрее.

Ведунья еле заметно улыбнулась. Морщинистые пальцы коснулись грубого, словно вытесанного из камня, лица. Неожиданно они вспыхнули зелёным пламенем, и на щеке изумлённого северянина тут же заалел ожог. Разбойники бросились на помощь Гроку, что резко оттолкнул от себя захохотавшую колдунью. Не видя врагов, она во все стороны размахивала пылающей рукой, повергая окруживших её бандитов в замешательство и корёжа их слух скрипучим смехом. Остальные друиды воспользовались отвлекающим манёвром: ринулись враспыню, наполнив ночь треском кустов.

– Проклятая ведьма! – варвар схватил слепую за волосы и потащил к одному из небольших костров. – Любишь огонь? Я тебе сейчас покажу его поближе.

С этими словами он швырнул ведунью лицом в полымя и наступил ей на спину. Женщина кричала, раскидывая горящие угли руками и поднимая вверх ворох сверкающих искр – ночной воздух наполнился тошнотворными запахами жжёной плоти и сгоревших волос.

– Ну как?! Тебе нравится?! Жри пепел, старая сука! – разъярённый Грок сильнее надавил на поясницу, и до его ушей долетел отчётливый хруст сломанных позвонков.

Беспомощные барахтанья ведуньи постепенно сошли на нет. Издав вопль, близкий к натужному крику сойки, она испустила дух.

– Дикари сбежали. Рвануть за ними? – Индрикен ожидал любых приказаний.

– Забудь. Их уже и след простыл. Но рано или поздно они сюда вернуться... – Грок оттащил мёртвую колдунью от размётанного кострища и одним взмахом секиры отрубил её чёрно-красную дымившуюся голову. – Я оценил их юмор. Теперь мой ход.

Одинокая луна, плывущая по ночному небу, с печалью смотрела на ужасы земной жизни. Поднявшийся прохладный ветерок уже не застал ни единой живой души на осквернённой ритуальной поляне. Отбрасывая тусклое мерцание, медленно догорали костры. А между ними, на длинном деревянном колу, зловеще красовалась обгоревшая голова ведуньи. Под ней же, прислонившись к палке, в позе лотоса и с окровавленной арфой в руках сидело её обезглавленное тело.

* * *

Дрожащее пламя факелов разогнало тьму, осветив не меньше дюжины кустов сыроцвета. Листья растения были такими же блёклыми, как и плоды, но обилие последних радовало глаз.

– Да, в ближайшие дни с голоду не помрём, – Джон прикинул, что ягод хватит ещё на одну котомку. – На крайний случай можно и съедобные грибы поискать, хотя раньше времени лучше не рисковать. Никто не знает, сколько ещё здесь скверны по углам распихано. Не хотелось бы угодить в очередной вдовой плен.

– Собрать – не проблема, – Алан посмотрел на заполненную ягодами сумку. – А вот куда их класть...

– Да пусть пока висят, – взглянул на паренька следопыт. – Всё свежее будут. Вернуться-то всегда успеем.

– И правда, – юнец на секунду задумался. – А знаете...

– Тихо! – вдруг шепнул Рэксволд, закрыв ему рот рукой. – Кажется, я что-то слышал.

Путники напрягли слух, но не услышали ничего необычного. Окружающую мглу сковывала абсолютная тишина, изредка нарушаемая нервным сопением парнишки и потрескиванием факелов.

– А можно дышать тише? – ассасин с упрёком посмотрел на юнца.

– Ты, часом, не болен? Жара нет? – Джон коснулся тыльной стороной ладони лба Рэксволда.

– Да заткнитесь вы все хоть на минуту, – зло прошипел тот, отталкивая руку.

Путники вновь прислушались к долговому молчанию тьмы, и где-то вдалеке прозвучал тихий свист, переходящий в хриплый рёв.

– Если это слышу только я, то разрази меня гром на этом самом месте. После подобных звуков я и провалился в беспамятство. Проклятые грибы, – раздражённо выпалил Рэксволд.

– Я тоже это слышу, – поддержал ассасина удивлённый Алан.

– Олень, – ошарашенно произнёс Джон. – Это чёртов олень. Так они обычно предупреждают своё стадо об опасности.

– Олень? Здесь? Не надо мне стада, дайте хоть одного, – убийца перевёл взгляд на Джона. – Ну почему у тебя нет с собой лука? Ты вообще следопыт или кто?

– Стереотипы. Не ты ли про них вспоминал вчера утром? – с иронической улыбкой подметил обладатель щита и меча.

– Да, от жареного мяска я бы сейчас не отказался, – мечтательно вздохнул Алан.

– Хм. Я не силён в охоте на крупного зверя, но думаю, что меткий бросок кинжала в шею свалит животное, – ассасин подкинул клинок в руке и вновь взглянул на Джона. – Гоните оленя на меня. За всю жизнь я промахивался лишь пару раз и то по пьяни.

Следопыт негромко рассмеялся:

– А как у тебя с преследованием цели в кромешной тьме?

– Что-то не улавливаю ход твоих мыслей...

– Думаешь, свет факела не спугнёт его?

– Об этом я как-то... Н-да... – Рэксволд почесал затылок. – Ну, валяй тогда. Блесни идеей.

– Хоть у меня нет лука, я всё же следопыт и большую часть службы провёл в лесах, – Джон задумчиво провёл рукой по отросшей щетине. – К огню животное точно не подойдёт. Но, кажется, это самец. Я могу попробовать приманить его криком самки. После нужно будет запастись терпением и сидеть в засаде. Бесшумно. В полной темноте. Затем, подпустив поближе, одновременно метнуть клинки в приближающийся источник звука. Только придётся запомнить расположение стволов, дабы всё в дерево не всадить. Что касается запаха, его можно заглушить, обмазавшись тем же снадобьем из горькой синявки. Идея обречена на провал, но попытаться можно.

Рэксволд накинул капюшон, надел маску и посмотрел на нож в сапоге следопыта:

– Надеюсь, ты умеешь им пользоваться...

– Конечно. Сам не промажь, – с шуточным вызовом ответил Джон.

– Тогда посмотрим, чей клинок настигнет зверя, – смерил его серьёзным взглядом ассасин.

– А что делать мне?.. – растерянно трепал рукав Алан.

– Молись всем богам, которых знаешь, – швырнул из-за плеча Рэксволд, отправляясь на поиски оптимального места для засады.

* * *

Шёл второй час ожиданий. Густая тьма уже казалась материальной: она тягучей массой заполняла лёгкие, сковывала тело и не давала вдохнуть полной грудью. У сидевших за огромным пнём охотников изрядно затекли ноги, и Рэксволд уже был готов отказаться от этой дурной затеи. Следопыт хотел в последний раз попытаться удачу, приманив животное криком самки, как вдруг в тишине послышались глухие постукивания копыт – что-то осторожно двигалось по избородённой корнями земле. И если это не одна из тех жутких тварин, что последний час рисовало разыгравшееся воображение Алана, то они получили шанс разжиться жареным мясом на ближайшие дни. Джон сжал в руке охотничий нож и легонько коснулся предплечья ассасина, чтобы тот тоже приготовился к броске кинжалов. Рэксволд, держа клинки за лезвия, завёл руки за голову, намереваясь угостить животное смертоносным дуплетом. Пленённые тьмой взгляды невольно следили за источником звука, хоть и не могли явить ничего, кроме сплошной черноты. Внезапно стук копыт сменился недоверчивым фырканьем. Олень остановился. Стал принюхиваться к посторонним запахам. Джон был уверен: сейчас рогатый почует замаскированных в грибной горечи охотников и даст дёру. Однако, спустя несколько томительных секунд, во мгле вновь послышались шаги – благородное животное не чувствовало подвоха и шло прямо в уготованную ему западню. Настал миг, когда три клинка одновременно рассекли воздух, устремившись к цели, что успела лишь вздрогнуть от резкого шороха. В зияющей черноте раздался испуганный крик оленя и удаляющийся стук копыт.

– Н-да. Не с нашим везением, – проворчал ассасин. – Осталось только кинжалы не найти.

Джон щёлкнул огнём – яркий свет горящего огневика сковал глаза узким прищуром. Подпалив от нанизанного на палку гриба остальные факелы, охотники вышли из укрытия и направились к месту, где предположительно бродило животное. Рэксволд молча забрал у спутников источники света. Поднял их повыше. Напряжённо всматриваясь во мглу, он сделал несколько хаотичных шагов в стороны, пока не заметил вдалеке две тусклые точки – отблеск рукоятей кинжалов, вонзившихся в мшистый ствол дерева. С хмурой миной вернув факелы, ассасин лениво побрёл за клинками. Его агрессивно гулявшие плечи с лихвой передавали кипевшее внутри раздражение.

Джон осмотрелся в поисках своего ножа, но нигде его не обнаружил. Если он ненароком отскочил и завалился в какую-нибудь щель, образованную сплетёнными повсюду корнями, то на нём можно смело ставить крест: искать иголку в стоге сена – дело неблагодарное. Вдруг взгляд зацепился за маленькое пятнышко, что поблёскивало на тёмном бугре. Следопыт присел. Коснулся его. Подушечку пальца замарал багрянец. Как и ожидалось, находка была не исключением: вереница капель уходила в темноту.

– Чего расселся? – вернувшийся ассасин поправлял ножны на поясе.

– Кажется, ещё не всё потеряно, – Джон продемонстрировал спутникам растёртую на пальцах кровь. – Я попал. И, похоже, мой нож остался в нём... – он встал, задумчиво посмотрел во мрак. – Ловить подранка без лука – та ещё задачка. Теперь олень к нам и близко не подойдёт. Остаётся надеяться на серьёзность ранения или что перепуганное животное, не разбирая дороги, поломаёт ноги в здешних колдобинах. А может, и застрянет где...

Рэксволд не слушал. Он с горечью смотрел на кровавую дорожку: по всей видимости, священный лес друидов продолжал всячески издеваться. И ладно бы над другими. Над ним!!!

– Я уже говорил, что ненавижу тебя? – ассасин искоса взглянул на Джона.

– Догадываюсь.

– Не-е-т, – с усмешкой протянул Рэксволд. – Теперь ты знаешь наверняка, – он недоумённо развёл руками. – Вот скажи мне, как ты умудрился попасть в оленя?! Я – опытный убийца, и оба моих кинжала пролетели мимо. Ты – простой следопыт, и твой единственный нож попал в цель.

– Может, я не такой простой, как тебе кажется? – с хитрой улыбкой ответил Джон. – Но сейчас это не так важно, чтобы тратить время на болтовню. Я сидел полтора часа в засаде не ради того, чтобы остаться без жареного мяса, – освещая путь факелом, он зашагал вперёд.

– Да что ты расстраиваешься, – обратился к ассасину Алан. – В конце концов, именно ты нашёл нам такого хорошего проводника.

– Угу, – грустным филином ухнул Рэксволд: от утешающих слов парнишки его ущемлённому самолюбию не стало легче, скорее наоборот.

Охотники отправились по багряному следу, чтобы завершить начатое. Веру в успех подкрепляла обильно кровоточащая рана животного – олень не мог уйти слишком далеко.

* * *

Взмывенный жеребец, постоянно подгоняемый всадницей, казалось, летел над землёй. Встречный ночной ветер развеивал светлую косу с вплетённой в неё серой лентой. То, что предстояло сделать Пустоте, было ужасно, но «Лотос счастья» уже давно стёр тонкую грань между добром и злом. Суровая действительность, залитая сиреневой краской, призывала девушку выжить любой ценой. Неоспоримое тому доказательство – бледное тело, ныне защищённое лёгкой серой бронёй. Оно хранило немало памятных меток: запястья украшали многочисленные шрамы, на ногах навсегда остались отметины от ржавых цепей, а на шее темнел свежий след от верёвки. Пустота не единожды пыталась свести счёты с жизнью, но воздействие дурмана заставляло её выживать на волоске от гибели. Всякий раз это забавило Бальтазара и погружало сознание девушки в омут отчаяния.

Человек, находящийся во власти «Лотоса счастья», готов на всё. Она сама видела, как мать на потеху разбойникам задушила собственных детей за глоток этого изуверского напитка. Тогда Пустота с отвращением и осуждением смотрела на происходящее из железной клетки, на долгое время ставшей её новым домом. Ведь не думала, что ей, непреклонной воительнице, уготована судьбой похожая, не менее печальная участь.

Уничтожение закалённой студёными ветрами личности происходило постепенно. Бальтазар тщательно продумывал каждый ход своей безумной игры. Едва он понял, что сильную духом пленницу проще убить, чем сломить физически, как телесные истязания сменили душевные муки. Её заставляли лицезреть кровавые расправы над посмеянными ополчиться на разбойников селянами. Стонали посаженные на колья зачинщики. Зверски изнасилованные женщины ползали среди останков четвергованных конями мужей. А плачущие дети под хохот головорезов выбирали, кого из родителей оставить в живых. Но даже здесь выбор был лишь иллюзией: не щадили никого – с одобрения Бальтазара истреблялись целые семьи. И чем больше крови лилось на глазах девушки, тем чаще она задавалась вопросом: почему её просто не убьют? Ответ пришёл вместе с вязкой жидкостью, какую однажды залили ей в горло. Беспощадный дурман запустил когти в измученное сознание и смешал яркие краски мира в беспробудную серость.

Пустота стала венцом долгого эксперимента, сделавшего из неё податливую марионетку, бледную тень самой себя. Осколки сознания и обрывки души всё ещё скрепляла татуировка в виде двух скрещённых мечей, что изящно располагалась внизу живота. Она напоминала девушке о давно минувших днях, но с каждым новым рассветом тёплые, близкие сердцу образы неотвратимо отдалялись, безропотно тая на холодном горизонте небытия. Однако, сейчас это не имело никакого значения. Далёкое прошлое и туманное будущее заменило настоящее с

перспективой получить заветный флакончик за выполнение грязной работы. Он на какое-то время избавит её от накапливающихся страданий, вызванных отсутствием «Лотоса счастья». Что будет потом, уже не важно.

Гул в голове Пустоты бил во все колокола: безболезненный период сиреневого рабства подходил к концу – нужно было спешить. Всадница несколько раз ударила жеребца плоскостью меча, и тот, рассекая грудью пшеничное поле, из последних сил рванул вперёд, оставив позади темнеющий лес.

* * *

Капли крови привели охотников к небольшим скалам, полностью заросшим мхом и бесцветными крючковатыми грибами. Дальше олений след мистическим образом обрывался, оставляя следопыта в полнейшем замешательстве.

– Ничего не понимаю, – озадаченно озирался Джон. – Не мог же он улететь... Хотя я уже ни в чём не уверен. Этот лес сам по себе какой-то странный.

– Жутковато... – вполголоса сказал Алан, глядя на уходящие в никуда красные пятнышки.

Рэксволд же молчал. Его мысли были прикованы к необычным скалам, словно стеной, преграждавшим дальнейший путь. Темнота не давала рассмотреть их полностью: свет факела выхватывал лишь отдельные фрагменты. Ассасин прошёл вдоль препятствия, на редкость однообразного, пока не заметил замшелую каменную перемычку – она смутно напоминала нечто знакомое. Потребовалось время, прежде чем он признал в ней полуразрушенную арку. Сомнений не осталось – развалины замка.

– Эй, где вы там?! – довольно крикнул Рэксволд. – А ну-ка, подойдите.

– Ты нашёл след оленя? – направился к нему Джон.

– Лучше... – тот таинственно улыбнулся и указал на скалу.

– И что тут? – подошедший Алан провёл факелом под перемычкой. – Ты предлагаешь набрать грибов? Не похожи они на съедобные...

– Джон? – ассасин внимательно поглядел на воина. – Надеюсь, твоя проницательность не разочарует меня...

– Но это же... Да нет... Не может быть... – следопыт подошёл к скале и, отковырнув несколько грибов, обнажил серо-зеленоватый камень.

– Ну?! Ты же тоже это видишь? Давай! Скажи! – рассмеялся Рэксволд.

– Да что вы здесь нашли? – в глазах парнишки читалось непонимание.

– Это замок, Алан, – Джон поднял факел повыше, и свет очертил ровную высокую стену, которая с каждой секундой всё меньше казалась скалой. – Точнее то, что от него осталось.

Юнец открыл рот, на какое-то время потеряв дар речи.

– Он существует... – наконец выдохнул он с благоговением в голосе. – Правда... я представлял его себе как-то иначе.

– Интересно, как? – Рэксволд посмотрел на тусклый свет своего факела. – Белокаменный дворец с красными коврами? Кому-то пора завязывать с детскими сказками.

– Сказал любитель друидских сказок, – проворчал парнишка.

– Любитель сказок? – хрустнув пальцами, оживился ассасин. – Не-е-т. Я знаток преданий, способный увидеть крупицу истины в мешке человеческих фантазий.

– Знаешь, – решительно сказал Алан. – Если мне где-нибудь попадётся корона, то я обязательно её тебе подарю.

– Без скипетра не возьму, – важно покачал пальцем Рэксволд.

Джон снова коснулся руин, будто всё ещё не верил в их реальность:

– Удивительно. Замок, построенный в глубокой пропасти, когда за её пределами столько холмов. Это неправильно со стратегической точки зрения. Сомневаюсь, что старинные тактики

осад сильно отличались от современных. Предполагаю, его окружал целый город с деревянными строениями, но в такой сырости всё давно сгнило. Интересно, как он выглядел в былые времена...

Рэксволд хлопнул следопыта по плечу:

– Сейчас не время предаваться истории. Сокровища сами себя не найдут.

Путники прошли сквозь искореженную временем арку. Свет трёх факелов потерялся в тёмном внутреннем дворе, заросшем огромными кедрами и молодыми засохшими деревцами. Верхняя часть замка пала под натиском природы, оставив после себя лишь горы мшистых камней, однако нижние этажи почти не пострадали.

Ассасин осмотрелся. Главный вход был преграждён потресканным валуном, но это нисколько не печалило: чуть правее могучие корни разворотили стену, проделав в ней внушительную дыру, которая так и манила нарушить древний покой мрачных коридоров.

– Алан, припасы ещё при тебе? – Рэксволд сменил огневик на гаснущем факеле. – Не сточил по дороге?

– Всё на месте, – похлопал по котомке юнец.

– Запасы огневиков? – убийца бросил взгляд на Джона.

Тот молча продемонстрировал палку с двумя десятками плотно нанизанных грибов.

– Тогда вперёд, – ассасин поднялся по бугристой насыпи к зияющей брешии. – Надеюсь, замок не обрушится и не станет для нас общей могилой, – он влез в пролом, где на смену мгле по стенам заплясали причудливые тени.

– Здоровский настрой, – буркнул Алан.

– Да ты не переживай, – раздался голос из мерцающей дыры. – Если всё обвалится, ты даже испугаться не успеешь.

– Умеешь успокоить... – юнец робко поставил ногу на пригорок.

– Ерунда, – уверенно сказал Джон. – Он тут с бородатых времён. Ещё день как-нибудь простоит.

Несмотря на поджидавшую впереди неизвестность, охотникам за сокровищами не терпелось уйти с открытого пространства. Владения Мрачного короля обострили чувство паранойи. Странники постоянно ощущали на себе посторонний взгляд, хоть и старались не придавать вольностям воображения особого значения. Когда они скрылись в брешии, где-то вдалеке закричала сова, но искатели приключений этого уже не слышали.

Глава 6

В холле замка господствовала сырость. Часть свода давно обрушилась, завалив лестницу и полностью отрезав пути к верхним этажам. Некогда роскошную мебель время превратило в труху, давшую начало грибной империи, что устилала каменный пол подобно ворсу. Из трещин в стенах торчали засохшие выющиеся растения, покрытые налётом, сильно напоминавшим плесень.

– Какое прелестное место, – Рэксволд выдернул из объятий грибов опрокинутый медный канделябр и поставил его на ножки. – Почти как новый. Если не считать полтысячи поганок.

Алан, сделав десяток неуверенных шагов по грибному ковру, посмотрел на замаранные склизкой жижей ботинки:

– Только я привыкаю к одним гадостям этого леса, как он выдумывает всё более мерзкие. Отвратительно.

Джон смахнул грязь с лица поросшей мхом полутораметровой скульптуры. Правая рука статуи отсутствовала, но в ней ещё угадывалась стоявшая с кувшином женщина.

– Интересно, – следопыт провёл пальцем по мраморному лицу. – Что ещё может рассказать древний замок о культуре четырёхсотлетней давности.

– Особенно интересен объём их казны, – подметил ассасин, присматриваясь к позеле-невшим стенам холла.

В дальнем конце зала виднелся неприметный дверной проём, и Рэксволд направился напрямик туда. Посмотрев, что находится за ним, ассасин присвистнул и издал короткий смешок:

– Да, Алан, тебе понравится.

– Судя по издевательскому тону, я в этом что-то сомневаюсь, – отозвался паренёк.

– Можешь не сомневаться: ты абсолютно прав, – сказал подошедший к Рэксволду следопыт.

Алан приблизился к дверному проёму и увидел усыпанные истлевшими листьями ступени. Лестница спускалась в тёмный полузатопленный коридор, сырые стены которого мрачно блестели в свете огня.

– Ну нет же! – юнец отвернулся, а затем снова посмотрел на предстоящее испытание, будто ожидая, что при повторном взгляде проход окажется сухим. – Видимо, я проклят... – печальную фразу дополнил тяжкий вздох.

– Точно нет обходного пути? – покосился на убийцу Джон.

– Не надейся, – Рэксволд сбил щелбаном торчавший из стены гриб, и он с бульком нырнул в затопленный проход. – Зато будет что вспомнить, когда вернёмся.

– Ржавь на доспехах? – улыбнулся следопыт. – Или очередной вдовий плен, какой рано или поздно выковырнут твои беспокойные руки.

– Ой зануда, – ассасин с высоко поднятым факелом спустился по лестнице. Уровень воды дошёл до подбородка и замер на этой отметке. – Холодненькая. Бодрит! – восторженно произнёс Рэксволд, продвигаясь по коридору. – Присоединяйтесь!

– Нашёл кого пугать холодом, – Джон забрал у юнца котомку и, держа её вместе с факелом под потолком, без раздумий рассёк тёмную гладь.

Алан, который был почти на голову ниже спутников, немного помялся, собираясь с духом, после чего стал медленно спускаться по ступеням. Ноги парнишки, погружаясь в ледяной холод, выражали свой протест короткими судорогами. Вода коснулась его подбородка ещё до того, как он сошёл с лестницы. Парнишка мог преодолеть затопленный проход лишь одним способом...

Следопыт с ассасином наблюдали весьма необычное зрелище: голова юнца выпрыгивала из воды, чтобы глотнуть воздуха, и снова скрывалась под ней – на поверхности оставались лишь торчавшие с факелом руки. Ныряющая попрыгушка добралась до противоположного конца коридора, где на идущих вверх ступенях её встретили два улыбающихся зрителя.

– Порой мне кажется, стинуть в Тихой Лагуне было бы не самым плохим поворотом судьбы... – безэмоционально сказал Алан, вытряхивая воду из ушей.

– Зато какие впечатления! – Рэксволд снял перчатки и заткнул их за рукоять кинжала.

– Ему их уже и так за глаза, – усмехнулся Джон, выжимая плащ. – Нам бы обсохнуть у костра, только сначала надо убедиться, что мы не упрёмся в завал.

– Не хочешь снова бултыхаться в этой луже? – ассасин пожал плечами. – А мне понравилось...

Воины двинулись дальше, чавкая сапогами и оставляя после себя мокрый след на шероховатых ступенях. Алан вздохнул, обречённо взглянув на прилипшую к груди рубаху, что обволакивала тело неприятной прохладой.

– Чтоб я ещё когда-нибудь соблазнился сокровищами... – выжимая рукава, проворчал он.

За лестницей по полу растеклась длинная треугольная мозаика – новый коридор привёл странников в шестиугольный зал. Жёлтый свет озарил ряды ветхих шкафов, подпираемых полуразрушенными скульптурами. Старинная мебель из последних сил держала на себе

истлевшие книги. У стен же стояли широкие столы, хаотично заваленные предметами быта тех лет.

Рэксволд прошёл вперёд. Библиотеку наполнил хруст иссохшего ковра, который давно отвык от общества сапог и отмечал каждый шаг ореолом трещин.

– Что тут у нас? – ассасин положил глаз на особо толстый том, более коричневый, нежели остальные, но тот при касании рассыпался в пыль прямо на полке. – Не очень-то и хотелось... – немного разочарованно произнёс он, а затем направился к столам, по пути проведя факелом над небрежной стопкой книг на полу.

– Осторожнее с огнём, – Джон неторопливо шёл между высокими шкафами. – Здесь всё сухое. Польшнёт враз. Если не сгорим, то задохнёмся.

– Зато высохнем, – холодно сказал Рэксволд, поочерёдно открывая пустые ларчики на старинном столе. – Это ещё что такое? – пробормотал он и извлёк потёртый свиток из крайней шкапулки.

Алан с любопытством смотрел на находку убийцы: примитивную карту семи королевств. Отсутствие рек, малых островов и ещё множества крохотных объектов делало её совершенно непригодной для использования. Ассасин хмыкнул и провёл пальцем по схематическому изображению Аль Херона:

– На глаз можно пересечь пустыню за пару дней. Вот только торговые караваны даже между ближайшими городами бороздят пески не меньше месяца, – он сунул карту за пазуху. – Раритет. Пригодится на случай, если мне всё надоест, и я захочу навсегда потеряться.

Стоявший в другой части зала Джон созерцал разбросанные по полу книги. Он наклонился и поднял из пыли чудом уцелевший фолиант. Истресканный кожаный переплёт. Тиснение в виде пентаграммы во всю ширину обложки. Воин полистал гримуар, рассматривая похожие на звёздные созвездия схемы, подписанные рядами остроугольных иероглифов. Любопытная вещь – он бережно положил книгу в котомку, чтобы потом поподробнее изучить.

У библиотеки было несколько выходов, но лишь один оказался незаваленным. Спустившись по винтовой лестнице, странники остановились перед закрытой деревянной дверью с решётчатым окошечком. Рэксволд попытался открыть её, но она не поддавалась. Тогда он ударил дверь ногой, и та с грохотом слетела с петель.

– Другое дело, – с самодовольной усмешкой переступил порог ассасин. – Никто никогда не понимает по-хорошему...

Путники оказались в просторном помещении, заставленном проржавевшими железными клетками, размер которых варьировался от совсем маленьких до невероятно крупных, почти что подпиравших высокий потолок. Центр зала был покрыт глубокими выбоинами и царапинами, на стенах висели изъеденные временем рыжие обрывки цепей, а в самом дальнем углу лежали пожелтевшие кости.

– Похоже на псарню, – осмотрелся Алан.

– Только на первый взгляд, – Джон подошёл к огромной клетке, осветив толстенные прутья. – Я больше поверю, что здесь медведей держали.

– Или кого побольше... – ассасин стоял у массивных железных ворот, наискось перекрытых упавшей колонной. – Так просто не открыть.

Следопыт приблизился к одной из стен и посмотрел на изорванный гобелен, слабо колышавшийся от сквозняка.

– Тут проход... – Джон отодвинул потрёпанную ткань, после чего взглянул на спутников. – Кажется, его наспех пытались скрыть... – он окинул взором длинный коридор с низким расчерченным мелкими царапинами сводом. – Что здесь вообще происходило?

Коридор привёл странников к тяжёлой, местами поржавевшей двери с выгравированным на ней гербом лесного королевства – раскидистым деревом с могучими корнями и дуплом

в форме капли. Над ним располагалась увековеченная в металле надпись: «Увидимся на той стороне».

– Скорее всего, усыпальница, – Джон покачал головой. – Не хотелось бы осквернять покой мёртвых. Тем более принадлежащих к королевскому роду.

– Да. Что-то мне тоже не хочется туда идти, – тихо пролепетал Алан.

– Что я слышу?! – издевательски воскликнул Рэксволд. – Джон уверовал в первого короля Эльтарона!

– Да, – неохотно признал следопыт. – Я немного изменил своё мнение.

– Чтобы найти сокровища, придётся обыскать каждый дюйм этого замка. В том числе и склеп. Подождите, мы ещё и колонну будем двигать, если здесь ничего не найдём, – ассасин попытался отворить дверь силой, но та не поддавалась. – Ладно, – он постучал костяшками пальцев по железу. – Откройте. Мы вас не побеспокоим. Разве что самую малость...

– Хотел бы я посмотреть на твоё лицо, если бы тебе постучали в ответ, – усмехнулся Джон.

Алан присел у двери и указал пальцем на герб королевства:

– Хм... Обратите внимание на чересчур глубокое дупло. Я, конечно, могу ошибаться... – юнец тщательно осмотрел отверстие. – Да нет. Это потайной замок, – неуверенность тотчас же сменилась неподдельным азартом.

– Тогда твой выход, малец, – Рэксволд взглянул на горящие глаза парнишки и прислонился спиной к стене. – Сейчас увидишь, Джон, почему я взял его с собой.

Алан деловито исследовал сложный механизм и, задрвав край рубахи, обнажил висевший на поясе футляр. Следопыт удивился, что не замечал его раньше. Внутри оказался набор различных отмычек, аккуратно заложенных за кожаные петельки. Громко хрустнув пальцами, юнец выбрал подходящий инструмент и принялся за дело.

– Горсть червяков и глаз кабана... Бросить в котёл без краёв и без дна... – пробормотал парнишка, что-то усердно поддевая.

– Сверху посыпать костной мукой... Сердце младенца выжать рукой... – воровской крючок был провернут влево.

– Добавить немного мёртвой водицы... Лапы лягушек и язык птицы... – ловкие пальцы продолжали орудовать у замочной скважины.

– Варить на костре, горящем без дров... И ведьмин супчик будет готов... – дверь щёлкнула, и Алан с победоносным видом встал.

– Что это? – изумлённо спросил следопыт. – У меня аж всё внутри похолодело от таких стишков.

– Ардонэйзийская детская считалочка... – юный взломщик немного смутился. – Помогает сосредоточиться.

– Ну хоть не колыбельная, – издав негромкий смешок, Джон кивнул на вход в усыпальницу. – Шустро ты. Впечатляет. Как тебе это удаётся?

Парнишка скромно пожал плечами:

– Все замки умеют разговаривать. Нужно лишь научиться слушать...

Рэксволд потянул дверь на себя, и она со скрипом приоткрылась:

– Великолепная работа, Алан. Держись меня, и мёртвые тебя не обидят.

* * *

Почти четыре столетия родовая гробница королевской семьи де'Рон не слышала бие-ния живого сердца, но сегодня их стучало сразу три. Охотники за сокровищами внимательно осматривали небольшую комнату с каменным саркофагом на узком пьедестале. Покои мёрт-вых были более протяжёнными, однако часть усыпальницы обрушилась, навсегда скрыв неко-торые захоронения под грудой камней.

– Здесь ничего нет, – расстроено произнёс Рэксволд. – Ни золота, ни драгоценностей, ни намёка на тайный ход. К чему тогда железная дверь со скрытым замком? Осталось лишь вскрыть саркофаг, чтобы убедиться, что в нём нет какого-нибудь рычага или подсказки на месторасположение сокровищ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.